

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

Том 4. Занавес опускается

Книги Лемони Сникета стали второй по популярности детской серией, уступившей первенство лишь саге о Гарри Поттере.

The New York Times

Лемони Сникет

Тридцать три несчастья.

Том 4. Занавес опускается

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48622829

Тридцать три несчастья. Том 4 : Занавес опускается : повести / Лемони Сникет ; пер. с англ. Н. Рахмановой, А. Бродоцкой: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2019 ISBN 978-5-389-17436-8

Аннотация

Дорогой читатель, похоже, ты одолел все предыдущие книги цикла «Тридцать три несчастья», а значит, уже догадываешься, что справедливость в жизни бодлеровских сирот едва ли восторжествует. Если ты еще надеешься, что Вайолет, Клаус и Солнышко вот-вот раскроют тайну исчезновения своих родителей, то спешу тебя огорчить. Подобные истории обычно заканчиваются на редкость чудовищно. В наших силах лишь сочувственно наблюдать за тем, как Бодлеры в поисках ответов сначала оказываются на субмарине, потом предстают перед Верховным судом, а после терпят кораблекрушение во время шторма, но, несмотря ни на что, не теряют веры в светлое будущее.

Мрачные юмористические истории о приключениях детей Бодлер стали настолько популярны во всем мире, что легли

в основу фильма «Лемони Сникет. 33 несчастья», в котором сыграли Джим Керри, Джуд Лоу и Мэрил Стрип. Совсем недавно компанией «Netflix» был снят и одноименный сериал. Главные роли в нем исполнили Нил Патрик Харрис, Малина Вайсман и Луи Хайнс. Очередной сезон появился на экранах в январе 2019 года. В четвертый том «Занавес опускается» вошли следующие повести: «Угрюмый грот», «Предпоследняя передряга» и «Конец».

Содержание

Угрюмый грот	8
Глава первая	11
Глава вторая	27
Глава третья	42
Глава четвертая	55
Глава пятая	74
Глава шестая	91
Глава седьмая	108
Глава восьмая	130
Глава девятая	143
Глава десятая	161
Глава одиннадцатая	171
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Лемони Сникет

Тридцать три несчастья.

Том 4: Занавес опускается

Lemony Snicket

A Series of Unfortunate Events:

THE GRIM GROTTTO

Text copyright © 2004 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2004 by Brett Helquist

THE PENULTIMATE PERIL

Text copyright © 2005 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2005 by Brett Helquist

THE END

Text copyright © 2006 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2006 by Brett Helquist

All rights reserved

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers.

Перевод с английского *Наталии Рахмановой, Анастасии Бродоцкой*

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

Том 4

Занавес опускается

Иллюстрации в тексте *Бретта Хелквиста*

© Н. Л. Рахманова, перевод, 2006, 2007

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2019

Издательство АЗБУКА®

Угрюмый грот

Посвящается Беатрис

*Умершая женщина уже не расскажет историю
жизни.*

Скорбящий мужчина изложит ее на бумаге

Угрюмый грот

Дорогой читатель!

Если только вы не слизень, не актиния и не плесень, для вас, вероятно, предпочтительнее поменьше сырости. Возможно, для вас также предпочтительнее не читать этой книги, в которой Бодлерам приходится иметь дело с чрезмерным количеством сырости, погружаясь в морские глубины, а также в глубины отчаяния.

Поистине ужасы, с которыми они сталкиваются, слишком многочисленны, и вряд ли вам пришлось бы по душе, упомяни я хотя бы худшие из них, а именно: ядовитые грибы, отчаянные поиски пропавшей вещи, механическое чудовище, огорчительное сообщение от потерянного друга и чечетку.

Раз уж я взял на себя обязательство вести запись всей удручающей истории Бодлеров, то, как преданный своему слову автор, я вынужден продолжать погружаться в бездонные пучины их жизни. Но вы-то имеете право погрузиться в чтение какой-нибудь более жизнерадостной книги, чтобы не дать своим глазам отсыреть, а духу заплесневеть.

Со всем подобающим почтением,

Лемони Сникет

Глава первая

В результате долгого изучения океанов, исследования ураганов с ливнями и пристального разглядывания питьевых фонтанчиков ученые всего мира создали теорию распределения воды на планете, назвав это «круговорот воды в природе». Он состоит из трех главных явлений: испарение, оса-

ждение и скапливание – и все они в равной степени скучны.

Разумеется, читать про скучные явления скучно, и все-таки лучше читать, зевая от скуки, чем безудержно рыдать, колотить кулаками по полу и заливать слезами подушку, простыни и коллекцию бумерангов. Подобно круговороту воды, история Бодлеров касается трех главных составляющих, вернее, трех персонажей. Однако чем изучать их печальную судьбу, лучше уж читать про круговорот воды.

Вайолет – старший персонаж – почти достигла пятнадцати лет и была едва ли не лучшим изобретателем в мире. Во всяком случае, насколько я могу судить, лучшим изобретателем, очутившимся в мутных водах Порченого потока. Она отчаянно цеплялась за сани, и ее уносило все дальше от Главного перекрестка ветров. Будь я на вашем месте, я бы предпочел сосредоточиться на скучном процессе испарения, при котором вода превращается в пар и в конечном счете образует облака, но не старался вообразить тот бурлящий водоворот, который ожидал Вайолет у подножия Мертвых гор.

Клаус был вторым по возрасту бодлеровским ребенком, и для ваших нервов предпочтительнее было бы сосредоточиться на скучном процессе осаждения, при котором пар превращается обратно в воду и выпадает в виде дождя, а не задумываться хотя бы на минуту об отличных исследовательских способностях Клауса и о количестве горестей и бед, которые доставляет ему эта способность, стоит только ему и его сестрам повстречаться с Графом Олафом. Отъявленный

негодяй Граф Олаф охотился за детьми с тех пор, как родители их погибли во время страшного пожара.

И даже Солнышко Бодлер, только что вышедшая из младенческого возраста, тоже в некоем роде явление. И не только из-за своих весьма острых зубов, не раз выручавших Бодлеров в тяжелых обстоятельствах, но и благодаря новооткрывшимся кулинарным талантам, так что она не раз кормила Бодлеров в не менее тяжких обстоятельствах. И хотя процесс скапливания, то есть сбора выпавшего дождя в одноместилище, чтобы затем он снова испарялся и весь нудный процесс начинался заново, быть может, наиболее скучное явление в цикле круговорота воды, для вас, вероятно, лучше было бы отправиться в ближайшую библиотеку и потратить несколько скучнейших дней на чтение всех скучнейших подробностей про скапливание, ибо случившееся с Солнышком Бодлер в дальнейшем представляется мне самым ужасным из всего, что я могу вообразить, а вообразить я могу много чего. Да, конечно, круговорот воды представляет собой ряд скучных процессов, но история Бодлеров – нечто совсем иное, и вам сейчас представляется превосходный случай почитать что-нибудь скучное, вместо того чтобы узнать, что случилось с Бодлерами в то время, когда бурные воды Порченого потока уносили их вниз по горным склонам.

– Что с нами будет? – Вайолет пришлось перекрикивать шум стремительно мчащейся воды. – Вряд ли мне удастся изобрести что-то, что остановило бы сани.

– Даже и не пытайся! – крикнул Клаус. – Наступление Фальшивой весны растопило поток, но вода все равно жутко холодная. Если в нее свалиться, долго не проживешь.

– Куигли, – прохныкала Солнышко. Младшая из Бодлеров часто изъяснялась таким образом, что ее трудно было понять. Правда, в последнее время речь ее развивалась почти так же быстро, как и кулинарные таланты, и брат с сестрой сразу поняли, что она имеет в виду Куигли Квегмайра, с которым Бодлеры недавно подружились. Куигли помог Вайолет и Клаусу достичь вершины Коварной горы, чтобы разыскать штаб Г. П. В., помог вырвать Солнышко из лап Графа Олафа, но еще один рукав реки унес его в другую сторону, а у картографа (имеется в виду тот, кто хорошо разбирается в картах и к кому особенно привязалась Вайолет Бодлер) не нашлось саней, чтобы плыть в ледяной воде.

– Я уверена, что Куигли выбрался из потока, – поторопилась ее успокоить Вайолет, хотя сама ни малейшей уверенности не испытывала. – Только бы знать, куда его унесло. Он что-то крикнул про то, где мы встретимся, но его заглушил шум водопада.

Сани закачались на воде, когда Клаус полез в карман и достал темно-синюю записную книжку. Ему подарил ее Куигли, и Клаус использовал ее для заметок, иначе говоря, записывал в нее всякую интересную или полезную информацию.

– Мы расшифровали сообщение о том, что в четверг состоится важное собрание Г. П. В., – сказал Клаус, – а бла-

годаря Солнышку мы знаем, что встреча произойдет в отеле «Развязка». Возможно, именно там и хочет встретиться с нами Куигли – в последнем безопасном месте.

– Да, но нам неизвестно, *где* этот отель, – возразила Вайолет. – Как можно встретиться, если не знаешь где?

Вся троица вздохнула, после чего несколько минут Бодлеры сидели молча и слушали, как булькает вода. Некоторые люди могут часами сидеть на берегу реки, любуясь сверканием воды и размышляя о загадках Вселенной. Но воды Порченого потока были слишком грязны и не сверкали, а каждая тайна, которую дети пытались разгадать, приводила в свою очередь к новым тайнам, а те тоже содержали тайны, поэтому, размышляя над всеми этими тайнами, дети впали не в задумчивость, а в подавленное состояние. Они знали, что Г. П. В. – это тайная организация, но им пока не удалось докопаться, чем же все-таки организация занята и какое отношение имеет к Бодлерам. Они знали, что Граф Олаф жаждет заполучить некую сахарницу, но понятия не имели, в чем ее важность и вообще где она находится. Они знали, что есть люди, которые могли бы им помочь, но многие из них – опекуны, друзья, банкиры – уже не раз доказывали свою бесполезность или же исчезали из их жизни в самый нужный момент. Знали дети также и то, что на свете есть люди, от которых нечего ждать помощи, – подлые, мерзкие злодеи, число которых растет и чьи коварные злодеяния расползаются по миру подобно выходящим наружу подземным источни-

кам горя и отчаяния. Но в данный момент самой великой тайной была проблема – что делать дальше. Сколько ни думали Бодлеры, сидя на санях, прижавшись друг к другу, им ничего не приходило в голову.

– Если продолжать плыть на санях, – наконец проговорила Вайолет, – куда, вы думаете, нас вынесет?

– К подножию Мертвых гор, – ответил Клаус. – Вода ведь течет под уклон. Возможно, Порченный поток протекает через Пустоши и дальше впадает в какое-то большоеместилище воды – в озеро или в океан. Там вода испаряется и превращается в облака, выпадает дождем и снегом и так далее.

– Скука, – проговорила Солнышко.

– Да, круговорот воды – процесс однообразный, – согласился Клаус. – Но может, благодаря ему и удастся удрать от Графа Олафа.

– Верно, – подтвердила Вайолет. – Он же сказал вдогонку, что сразу настигнет нас.

– Эсмелита, – выговорила Солнышко, имея в виду нечто вроде «Вместе с Эсме Скволор и Кармелитой Спатс».

И Бодлеры помрачнели, вспомнив о подруге Олафа, которая принимала участие во всех его интригах, поскольку считала вероломство и обман стильными, иначе говоря, модными, а также о своей бывшей соученице, которая не так давно присоединилась к Олафу из корыстных соображений.

– Значит, мы так и будем сидеть на санях и ждать, когда они нас куда-то вынесут? – сказала Вайолет.

– Да, план не ахти какой, – признал Клаус, – но ничего лучше в голову не приходит.

– Пассивность, – произнесла Солнышко, и брат с сестрой мрачно кивнули.

Слово «пассивность» странно слышать из уст маленького ребенка, да, собственно говоря, странно слышать вообще от кого-то из Бодлеров или любого, кто ведет увлекательную жизнь. Его смысл: «принимать все, что с тобой происходит, ничего не предпринимая самому». Естественно, у каждого время от времени бывают в жизни моменты пассивности. Быть может, и вы пережили такой момент в обувном магазине, когда сидели на стуле, а продавец без конца запикивал ваши ноги в безобразные и неудобные ботинки, хотя в действительности вы мечтали о паре ярко-красных башмаков с причудливыми пряжками, каких вам никто на свете покупать не собирался. Бодлеры уже пережили один раз состояние пассивности, когда на пляже Брайни-Бич узнали ужасную новость про гибель своих родителей и безропотно дали мистеру По увести себя к новой, несчастливой жизни. Я и сам недавно испытал момент пассивности, когда сидел на стуле, а продавец без конца запикивал мои ноги в уродливые и неудобные ботинки, хотя я-то мечтал о ярко-красных башмаках с причудливыми пряжками, которые никто на свете не собирался мне покупать. Но вот с состоянием пассивности посреди мчащегося потока, когда тебя преследуют по пятам злодеи, примириться трудно, поэтому Бодлеры нервничали

и ерзали на санках, уносящих их вниз по склону гор, как и я нервничал и ерзал на стуле, замышляя бегство из зловещего торгового центра. Вайолет ерзала на санях и думала о Куигли, надеясь, что он спасся из ледяной воды и добрался до безопасного места. Клаус ерзал на санях и думал о Г. П. В., надеясь все-таки побольше узнать об этой организации, хотя штаб ее и был уничтожен. А Солнышко ерзала и думала о рыбах в Порченом потоке, которые временами высовывали головы из усыпанной пеплом воды и откашливались. Ее интересовало, не повлияет ли отрицательно пепел, налетевший в воду с пожарища в горах и мешавший рыбам дышать, на вкус рыбных блюд и не улучшит ли дела большое количество растительного масла и лимонного сока.

Бодлеры до такой степени были заняты ерзаньем и думаньем, что, когда сани обогнули один из странных квадратных склонов горного пика, они не сразу заметили открывшийся внизу вид. И только когда перед лицом у них запорхали мелкие клочки бумаги, дети взглянули вниз и обомлели.

– Что это такое? – произнесла Вайолет.

– Не знаю, – отозвался Клаус. – Мы еще слишком высоко, отсюда не разобрать.

– Субджавик, – пробормотала Солнышко, и была права.

Бодлеры думали увидеть с этого склона Пустоши – обширную плоскую равнину, на которой они провели немало времени. Вместо этого местность превратилась в сплошное темное море. Насколько хватал глаз, повсюду виднелись се-

рые и черные завихрения, и они извивались, точно угри в мутной воде. По временам из завихрения высвобождалась маленькая, хрупкого вида частица и как перышко взлетала вверх к Бодлерам. Одни частицы были клочками газеты. Другие казались крошечными кусочками ткани. А некоторые – такие темные, что были абсолютно неузнаваемы, или, как выразилась Солнышко, «субджавик».

Клаус прищурился сквозь очки, а затем обернулся к сестрам с отчаянием на лице.

– Я знаю, что это такое, – сказал он тихим голосом. – Это результаты пожара.

Сестры вгляделись и увидели, что Клаус прав. Глядя с высоты, они не сразу осознали, что по Пустошам пронесся пожар и оставил после себя лишь пепел.

– Да, совершенно верно, – подтвердила Вайолет. – Удивительно, как мы не поняли этого раньше. Но кто же поджег Пустоши?

– Мы, – ответил Клаус.

– Калигари, – добавила Солнышко, желая напомнить сестре о кроважном карнавале, на территории которого Бодлеры жили какое-то время, скрываясь под чужой личиной. Как ни печально, но чужое обличье вынудило их помогать Графу Олафу в поджоге лагеря карнавала, и вот теперь они наблюдали плоды своих деяний, что в данном случае означает «результаты своего ужасного поступка, хотя они вовсе не собирались так поступать».

– Пожар не наша вина, – запротестовала Вайолет. – Не целиком наша. Нам *пришлось* помочь Олафу, иначе он раскрыл бы наш маскарад.

– Нивины, – произнесла Солнышко, подразумевая что-то вроде «Все равно мы не виноваты».

– Солнышко права, – поддержала ее Вайолет. – Не мы все это затеяли, а Олаф.

– Но мы его не остановили, – возразил Клаус. – И многие считают, что пожар – дело наших рук. Сгоревшие клочки газет – возможно, остатки «Дейли пунктилио», и нас там обвиняют в самых разных преступлениях.

– Да, ты прав, – вздохнула Вайолет. (Хотя впоследствии я обнаружил, что Клаус ошибался: пролетавшие мимо клочки бумаги имели отношение к другому изданию, и, если бы Бодлеры подобрали их, они оказали бы детям неоценимую помощь.) – Может, нам стоит немножко побыть пассивными. Активность не слишком нам помогла.

– Во всяком случае, – заключил Клаус, – следует оставаться на санях. Пока мы на воде, огонь нам не страшен.

– Скорее всего, у нас и нет выбора, – сказала Вайолет. – Смотрите.

И Бодлеры увидели, что сани приближаются к своего рода развилке, откуда отходит другой рукав Порченного потока. Поток теперь резко расширился, а течение сделалось более бурным, так что Бодлерам пришлось крепко вцепиться в сани, чтобы их не выбросило в воду.

– Наверное, мы приближаемся к более крупному вместилищу, – заметил Клаус. – Мы углубились в водную систему дальше, чем я ожидал.

– Как ты думаешь – может, Куигли унесло по тому рукаву? – Вайолет завертела головой, высматривая пропавшего друга.

– Самомы! – крикнула Солнышко, желая сказать: «Сейчас надо думать не о Куигли, а о себе!»

И младшая сестра была права. С громким плеском поток сделал еще один крутой поворот, и вода вдруг забурлила с такой неистовой силой, что Бодлерам показалось, будто они скачут верхом на дикой лошади, а не плывут на ломаных санках.

– Можешь направить сани к берегу? – заорал Клаус, пытаясь перекрыть шум реки.

– Нет! – крикнула в ответ Вайолет. – Рулевое управление сломалось, когда мы съезжали с водопада, а грести тут невозможно – поток слишком бурный! – Вайолет нащарила в кармане ленту и подняла руки, завязывая волосы, чтобы не мешали думать. Она опустила взгляд на сани и попыталась вспомнить разные чертежи механизмов, которые она рассматривала в детстве, когда родители были живы и поддерживали ее изобретательские интересы. – Полозья... – пробормотала она и повторила громко, чтобы перекрыть шум воды: – Полозья! Они позволяют управлять санями на снегу, может, они помогут управлять ими и в воде?!

– А где полозья? – Клаус осмотрелся.

– Снизу, на днище!

– Невомож? – вопросительным тоном произнесла Солнышко, желая сказать что-то вроде «Каким же образом достать до днища?».

– Не знаю. – Вайолет начала лихорадочно рыться в карманах, ища хоть какие-то изобретательские материалы.

Раньше у нее с собой был длинный хлебный нож, но он исчез, – возможно, его унесло потоком одновременно с Куигли, когда она использовала нож в последний раз. Она посмотрела прямо перед собой на пенящуюся стремнину, грозящую поглотить их. Она оглядела берега, которые все удалялись, по мере того как поток продолжал расширяться. Потом она поглядела на сестру и брата, которые ждали, что ее изобретательское мастерство спасет их. А брат и сестра посмотрели в свою очередь на нее, и все трое с минуту глядели друг на друга, смаргивая брызги мутной воды с ресниц и придумывая, что бы им такое сделать.

И вдруг, именно в эту минуту, перед ними появился еще один глаз, который тоже смаргивал мутную воду. Он возник из глубины потока прямо перед Бодлерами. Сперва они приняли его за глаз какого-то морского чудища, какие встречаются только в книгах по мифологии и в бассейнах некоторых курортов. Но, очутившись ближе, дети разглядели, что глаз металлический и сидит он на конце длинного металлического стержня, изогнутого наверху так, чтобы глазу было

удобнее рассмотреть Бодлеров. Увидеть металлический глаз, возникающий из глубины бурного потока, – зрелище непривычное, однако именно такой глаз им не раз приходилось видеть, начиная с того дня, когда они впервые столкнулись с вытатуированным глазом на левой щиколотке Графа Олафа. Глаз был символом и, если смотреть на него под определенным углом, выглядел к тому же как три загадочные буквы.

– Г. П. В.! – выкрикнула Солнышко, когда сани вплотную подплыли к непонятному феномену.

– Что это? – спросил Клаус.

– Перископ! – ответила Вайолет. – Ими пользуются на подводных лодках, чтобы разглядывать предметы на поверхности.

– Так что же, – воскликнул Клаус, – значит, под нами подводная лодка?!

Ответа не понадобилось: глаз высунулся из воды еще выше, и сироты увидели, что стержень прикреплен к чему-то большому, плоскому и металлическому, в основном погруженному в воду. Сани подплыли к самому перископу и резко остановились, как останавливается плот, уткнувшись в скалу. Поток забурился, обтекая сани.

– Глядите! – крикнула Вайолет. Она показала на крышку задраенного люка у основания перископа. – Давайте поступим, может, нас услышат!

– Но мы не знаем, кто внутри, – запротестовал Клаус.

– Такошанс! – выкрикнула Солнышко, что означало «Это

наш единственный шанс благополучно спуститься по течению». Она наклонилась и поскребла люк зубами. Брат с сестрой присоединились к ней, но по-своему – они застучали по металлической дверце кулаками.

– Эй! – крикнула Вайолет.

– Эй! – завопил Клаус.

– Шалом!¹ – взвизгнула Солнышко.

Сквозь шум мчащейся воды Бодлеры расслышали слабые звуки, доносившиеся из люка. То был человеческий голос, глухой и низкий, как будто он шел со дна колодца.

– Свой или чужой? – спросил голос.

Бодлеры переглянулись. Они, как наверняка и вы тоже, знали, что «Свой или чужой?» – традиционный оклик, обращенный к посетителю, который приблизился к какому-то важному месту, например к королевскому дворцу или к строго охраняемому обувному магазину, и должен назваться либо другом, либо врагом тех, кто внутри.

Но трое Бодлеров не знали, как ответить, – по той простой причине, что понятия не имели, кто с ними говорит.

– Что ответить? – Вайолет понизила голос. – Глаз может означать, что подводная лодка принадлежит Графу Олафу, и тогда мы ему враги.

– Но глаз может означать, что подводная лодка принадлежит Г. П. В., – возразил Клаус. – В таком случае мы им друзья.

¹ Приветствие на иврите. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Очеви! – заключила Солнышко, и это означало «Ясно, что лишь один ответ может нас впустить в лодку». И она крикнула в люк: – Свои!

Последовало молчание, потом глухой голос сказал:

– Пароль, пожалуйста.

Бодлеры снова переглянулись. Пароль, как известно, некое слово или фраза, которые произносят, с тем чтобы получить нужную информацию или доступ в секретное помещение, но дети-то понятия не имели, что они должны сказать, чтобы попасть внутрь подводной лодки. С минуту все трое молчали и делали попытки сообразить. Им, правда, хотелось соображать в более спокойной обстановке, чтобы их не отвлекал шум мчащейся воды и кашель рыб. Им хотелось не торчать тут на санках посреди Порченого потока, а сидеть в тихой комнате, например в библиотеке бодлеровского дома, и читать про всякие пароли. Но пока все трое думали об одной и той же библиотеке, один из детей вспомнил про сожженную библиотеку Г. П. В. в горах, на Главном перекрестке ветров, где когда-то находился штаб. Старшей сестре пришла на ум железная арка – почти единственная уцелевшая часть библиотеки с выгравированным на ней девизом. Вайолет поглядела на младших, а затем пригнулась к люку и произнесла загадочные слова девиза, надеясь, что они принесут безопасность:

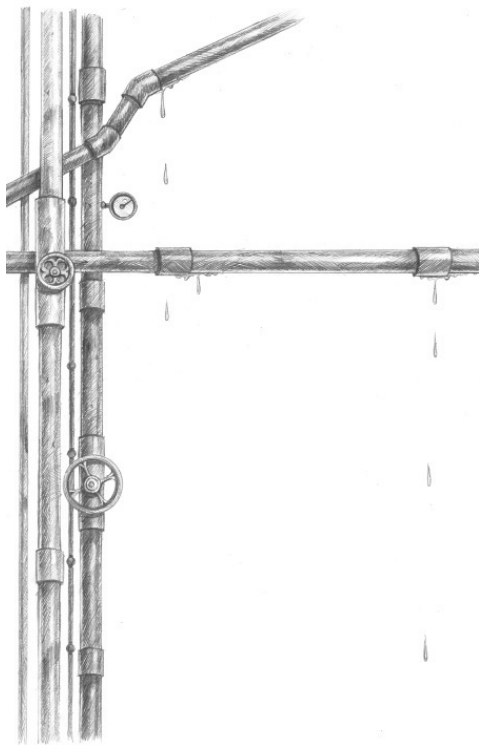
– Здесь царит покой.

После небольшой паузы люк с громким металлическим

лязганьем отворился, дети заглянули в темную дыру и разглядели приставную лестницу, по которой они могли спуститься вдоль стенки. Их охватила дрожь, и не только от пронизывающего горного ветра и холода мчащегося мутного потока. Они задрожали от неизвестности – они не знали, куда они попадут и кого встретят, когда спустятся в дыру. Бодлеры медлили на краю люка, не решаясь сделать первый шаг, им самим хотелось крикнуть вниз: «Свой или чужой?», задать тот же вопрос: «Свой или чужой?» Что было безопаснее – сойти вниз, в подводную лодку, или рискнуть жизнью и остаться наверху, в бурлящих водах Порченого потока?

– Входите, Бодлеры, – произнес голос, и – будь что будет – Бодлеры решились спуститься в дыру.

Глава вторая

– Вниз прямо! – скомандовал глухой голос, и Бодлеры начали спускаться. – Сбавить обороты! Тихий ход! Остерегись! Не оступись! Так точно! Меня не пугать! Вниз не смотреть!

Смотреть вперед! Горючих жидкостей с собой не брать! Так точно! Отставить! Смотреть назад! Отставить! Не болтать! Отставить! Опасаться всего! Так точно!

– Так точно? – шепотом переспросила Солнышко.

– «Так точно» заменяет «да», – тихо объяснил Клаус.

– Так точно! – снова слышался голос. – Не спать! Под ноги смотреть! Вверх смотреть! Шпионов берегись! Друг друга берегись! Вообще берегись! Так точно! Не зевать! Стоп машина! Отставить! Полный вперед! Не дремать! Без паники! По курсу не рыскать! Так точно!

Несмотря на отчаянное положение, в каком очутились Бодлеры, они едва удержались от смеха. Голос отдавал так много команд и среди них так мало осмысленных, что выполнять их было невозможно, да и, судя по непоследовательной манере, казалось, говорившего на самом деле не заботило, следуют его инструкциям или нет. Он явно тут же про них забывал.

– За поручни держись! – продолжал голос. Бодлеры заметили в конце прохода свет. – Так точно! Нет! Держаться друг за друга! Нет! Фуражки надвинь! Нет! Держитесь за руки! Нет! Держитесь, и все! Подождите минуту! Подождите секунду! Хватит стоять! Долой войну! Долой несправедливость! Хватит мне надоедать! Так точно!

Солнышко начала спускаться первой, поэтому первой достигла нижней ступеньки и очутилась в небольшой, тускло освещенной комнате с низким потолком. Посредине комна-

ты стоял огромный человек в блестящем комбинезоне из скользкой на вид ткани и в скользких на вид сапогах. На груди у него красовался портрет мужчины с бородой. У самого человека, стоящего перед ними, бороды не было, зато были длинные усы, загнутые на концах и напоминающие пару скобок.

– Один из вас – младенец! – закричал он, когда Клаус и Вайолет тоже спустились вниз и встали рядом с сестрой. – Так точно! Нет – двое младенцев! Нет – трое! Нет – все трое не младенцы! Но один некоторым образом младенец! Добро пожаловать! Так точно! Привет! Добрый день! Как поживаете? Пожмем руки! Так точно!

Бодлеры поспешили пожать руку человеку, которая оказалась в перчатке из той же скользкой материи.

– Меня зовут Вайолет Бо... – начала Вайолет.

– Бодлер! – прервал ее мужчина. – Знаю! Я не тупица! Так точно! А вы двое – Клаус и Солнышко! Вы – Бодлеры! Трое бодлеровских детей! Так точно! На которых «Дейли пунктилио» взваливает все вымышленные преступления, какие им приходят в голову! Но на самом деле вы ни в чем не виноваты, хотя неприятностей у вас по горло! Да, конечно! Приятно познакомиться! Лично! Так сказать! Пошли! За мной! Так точно!

Человек круто повернулся и, тяжело ступая, двинулся из комнаты. Озадаченным Бодлерам ничего не оставалось, как последовать за ним в коридор. Там вдоль стен, пола и потоло-

ка сплошь тянулись металлические трубки, и Бодлерам приходилось то пригибаться, то высоко поднимать ноги. Иногда на голову им капала из трубок вода, но, поскольку они и так вымокли во время плавания на санях, им было все равно. И, кроме того, они были поглощены попытками уловить смысл того, что говорил их новый знакомый.

– Поглядим! Я вас сейчас же приставлю к работе. Так точно! Нет – сперва покажу вам судно! Нет – сперва накормлю! Нет – познакомлю с командой! Нет – дам отдохнуть! Нет – сперва одену вас в комбинезоны! Так точно! Все на судне должны носить непромокаемые костюмы на случай аварии, если нас затопит! Но тогда, разумеется, понадобятся и водолазные шлемы! Так точно! Всем, кроме Солнышка, – ей шлем будет велик! Стало быть, она утонет! Нет – она вся поместится в шлеме! Так точно! На затылке шлема для этой цели есть дверка! Так точно! Мне уже приходилось такое видеть! Я много перевидал на своем веку!

– Простите, – обратилась к нему Вайолет, – не скажете ли, кто вы такой?

Человек круто повернулся лицом к детям и воздел кверху руки.

– Что?! – загремел он. – Вы не знаете, кто я такой?! Никогда в жизни меня так не оскорбляли! Нет – оскорбляли, и много раз! Так точно! Помню, как Граф Олаф повернулся ко мне и сказал своим ужасным голосом... Нет, не важно, что он сказал. Я вам отвечу: я – капитан Уиддершинс. Говорю по

буквам: У-и-д-д-е-р- ш-и-н-с. Наоборот читается с-н-и-ш... Ладно, не важно, никто не читает мою фамилию наоборот! Кроме тех, кто не уважает алфавит! А таких здесь нет! Так ведь?

– Да, – отозвался Клаус. – Мы испытываем огромное уважение к алфавиту.

– Еще бы! – вскричал капитан. – Чтобы Клаус Бодлер не уважал алфавит?! Немыслимо! Не может быть! Как ты посмел это сказать?! Нет – ты не говорил! Прошу прощения! Тысяча извинений! Так точно!

– Это ваша подводная лодка, капитан Уиддершинс? – спросила Вайолет.

– Как?! – опять загремел капитан. – Ты не знаешь, чья это субмарина?! Знаменитая изобретательница, и представления не имеешь об элементарной истории подводных лодок? Разумеется, это моя лодка! Много лет уже моя! Так точно! Разве вы не слышали о капитане Уиддершинсе и «Квиквеге»? Никогда не слышали о Субмарине Ка и ее Команде Два? Я сам придумал ей название! С небольшой помощью! Так точно! Я-то думал, Жозефина рассказала вам про «Квиквег»! Все-таки я не один год патрулировал озеро Лакримо-зе! Бедная Жозефина! Дня не проходит, чтобы я о ней не вспомнил! Так точно! За исключением тех дней, когда забываю вспомнить!

– Нелзя? – спросила Солнышко.

– Мне говорили, что я не сразу начну понимать все, что

ты говоришь. – Капитан посмотрел вниз, на Солнышко. – Не уверен, что у меня найдется время изучать еще один иностранный язык! Так точно! Разве что удастся поступить на ночные курсы!

– Сестра имела в виду, – поспешно вмешалась Вайолет, – что удивляется, откуда вы так много про нас знаете.

– Откуда вообще люди о чем-то узнают? Прочел, разумеется! Так точно! Я внимательно читаю каждую глубоководную почтовую вест, посылаемую волонтерами. Правда, в последнее время я их не получаю! Так точно! Поэтому я так рад, что вы неожиданно тут объявились! Так точно! Я чуть в обморок не хлопнулся, когда заглянул в перископ и вдруг увидел прямо перед собой ваши мокрые мордашки! Так точно! Я не сомневался, что это вы и есть, но все равно не колеблясь потребовал у вас пароль! Так точно! Я никогда не колеблюсь! Так точно! Такова моя личная философия!

Капитан остановился на середине коридора и показал на медный прямоугольник на стене. Это была табличка, что означает «металлическая дощечка с выгравированными словами, и такие таблички, как правило, свидетельствуют о том, что на этом месте произошло нечто важное». На верхней части таблички был выгравирован глаз Г. П. В., взирающий сверху на слова «Личная философия капитана». Надпись была сделана громадными буквами, но, чтобы разглядеть слова пониже, Бодлерам пришлось подойти совсем близко.

– «Тот, кто колеблется, – пропал!» – вскричал капитан,

тыча в каждое слово толстым пальцем в перчатке.

– «Или та», – добавила Вайолет, показывая на два кое-как нацарапанные слова.

– Их приписала моя падчерица, – пояснил капитан Уиддершинс. – И она права! «Или та!» Однажды я шел по этому самому проходу и вдруг осознал, что любой может пропасть, если будет колебаться! Скажем, вас преследует гигантский осьминог, а вы на мгновение останавливаетесь, чтобы завязать шнурок на башмаке. И что произойдет? Все пропало – вот что произойдет! Так точно! Вот откуда взялась моя личная философия! Я никогда не колеблюсь! Никогда! Так точно! Правда, изредка я тоже колеблюсь! Но стараюсь удержаться! Ибо тот или та, кто колеблется, – пропали! Идем дальше!

И, ни минуты не колеблясь, капитан Уиддершинс круто развернулся и повел детей по коридору. При каждом шаге его непромокаемые сапоги издавали чавкающий звук, который разносился по всему коридору. У детей немного кружилась голова от непрерывной трескотни капитана. Они глубоко задумались о его личной философии и начали прикидывать, не следует ли им перенять ее. Обзавестись личной философией – это все равно что завести дома ручную мартишку: поначалу это очень увлекательно, но бывают ситуации, когда это не совсем сподручно. «Тот или та, кто колеблется, – пропали» – философия на первый взгляд вполне разумная. Но Бодлерам вспомнились ситуации, когда лучшее,

что они могли в тот момент сделать, — это заколебаться. Вайолет радовалась, что однажды заколебалась, когда они с сестрой и братом жили у Тети Жозефины. Без этого она не успела бы осознать важность мятных лепешек, лежавших у нее в кармане. Клаус радовался, что на минуту заколебался, когда они прятались в больнице, иначе у него не родилась бы мысль переодеться самому и переодеть Солнышко в белый халат и таким образом, выдав себя за медицинских работников, избавить Вайолет от неуместной операции. А Солнышко радовалась, что помедлила перед палаткой Графа Олафа на Коварной горе, в результате чего подслушала название последнего безопасного места, которого Бодлеры надеялись достичь. Однако, несмотря на все эти случаи, когда колебания оказали большую помощь, детям не хотелось брать себе в качестве личной философии выражение «Тот или та, кто не колеблется, — пропали», поскольку в любой момент мог появиться гигантский осьминог, особенно пока Бодлеры находились на борту подводной лодки, и было бы чрезвычайно глупо с их стороны колебаться, если бы он за ними погнался. Возможно, рассуждали Бодлеры, самым разумным в качестве личной философии было бы выражение «Иногда тот или та должны колебаться, а иногда не должны». Но это им показалось слишком длинным и невнятным и не годилось для таблички.

— Возможно, если бы в свое время я не заколебался, — продолжал капитан, — «Квиквег» был бы уже отремонтирован!

Так точно! Боюсь, подлодка и команда не в лучшей форме. Так точно! Мы подвергались атакам злодеев и пиявок, акул и агентов по продаже недвижимости, пиратов и их подруг, торпед и рассерженного лосося! Так точно! – Капитан остановился перед толстой металлической дверью, повернулся к Бодлерам и вздохнул. – Все: от радиолокационной установки и до моего будильника – в неисправном состоянии! Так точно! Поэтому меня и радует, что ты здесь, Вайолет Бодлер! Нам позарез требуется кто-то, разбирающийся в механизмах.

– Посмотрю, что я смогу сделать, – отозвалась Вайолет.

– Пойдем, посмотришь! – И капитан Уиддершинс распахнул дверь.

Бодлеры вошли вслед за ним в огромное помещение, своего рода кают-компанию. Когда капитан говорил, слова его отдавались гулким эхом. Повсюду были трубки – на потолке, на полу, они торчали из стен под разнообразными углами. Между трубками размещалось множество непонятных пультов с кнопками, рычажками и экранчиками, а также мелкими надписями типа: «Опасно!», «Осторожно!» и «Тот или та, кто колеблется, – пропали!». Кое-где поблескивали зеленые огоньки. В дальнем конце помещения стоял громадный деревянный стол, заваленный книгами, картами и грязной посудой. Он располагался под огромным иллюминатором (имеется в виду круглое окошко, через которое Бодлеры увидели мутные воды Порченого потока).

– Мы с вами в чреве зверя! – объявил капитан. – Так точно! Здесь сосредоточена вся жизнь на «Квиквеге»! Отсюда мы управляем субмариной, тут едим, тут обсуждаем очередное задание и играем в настольные игры, когда устаем от работы! – Он подошел к одному из пультов и засунул под него голову. – Фиона! – позвал он. – Вылезай!

Послышалось тихое дребезжание, и из-под пульта на середину кают-компания стремительно что-то выкатилось. В тусклом зеленоватом свете Бодлеры не сразу разглядели, что на небольшой платформе на колесиках лицом вверх лежит девочка чуть постарше Вайолет. На девочке был такой же, как на капитане Уиддершинсе, непромокаемый комбинезон и тоже с портретом бородатого мужчины на груди. В одной руке она держала фонарик, а в другой клещи. Она улыбнулась и протянула клещи капитану, он помог ей встать с платформы, после чего она надела треугольной формы очки.

– Бодлеры, – сказал капитан, – это моя падчерица Фиона. Фиона, это Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер.

– Рада познакомиться, – ответила девочка и протянула руку в перчатке сперва Вайолет, потом Клаусу и под конец Солнышку, которая одарила Фиону широкой зубастой улыбкой. – Простите, что не встречала вас наверху. Я пыталась починить телеграфный аппарат, но ремонт электротехники не моя специальность.

– Так точно! – выпалил капитан. – Мы давненько уже не получаем телеграмм, но Фиона в таких аппаратах ничего не

смыслит! Вайолет, приступай!

– Вам придется извинить моего отчима за его манеру говорить. – Фиона обняла его одной рукой. – К ней не сразу привыкнешь, на это потребуется время.

– Некогда привыкать! – отрезал капитан Уиддершинс. – Сейчас не время проявлять пассивность! Тот, кто колеблется, – пропал!

– Или та, – мягко поправила Фиона. – Пойдем, Вайолет, я дам тебе водолазный костюм. Если тебя интересует, кто на нем изображен, то это Герман Мелвилл.

– Один из моих любимых авторов, – вмешался в разговор Клаус. – Мне страшно нравится, как в своей странной, нередко экспериментальной философской прозе он привлекает наше внимание к тяжелому положению зачастую презираемых людей – бедных моряков или эксплуатируемых подростков.

– Я должна была догадаться, что тебе он нравится, – отозвалась Фиона. – Когда дом Жозефины рухнул в озеро, мы с отчимом успели спасти кое-какие книги из ее библиотеки, которые не успели непоправимо промокнуть. Я прочла некоторые из твоих дешифровок. Ты очень проницательный исследователь.

– Ты очень любезна, – отозвался Клаус.

– Так точно! – вскричал капитан. – Проницательный исследователь – то, что нам нужно! – Он протопал к столу и приподнял пачку бумаг. – Один таксист ухитрился раздо-

быть для меня вот эти морские карты. Но я не способен в них разобраться! Они запутанные! Они затейливые! Они замызганные! Нет – я не то имел в виду!

– Я думаю, вы хотели сказать «замысловатые», – предположил Клаус, глядя в карты. – «Замызганные» значит «грязные», а «замысловатые» значит «сложные». А что это за карты?

– Приливов и отливов! – закричал капитан. – Мы должны вычислить направление господствующих приливов там, где Порченный поток впадает в море! Клаус, подбери себе комбинезон и немедленно приступай к работе! Так точно!

– Так точно! – отозвался Клаус, стараясь приноровиться к стилю, принятому на «Квиквеге».

– Так точно! – радостно заревел капитан.

– Я? – осведомилась Солнышко.

– Так точно! – ответил капитан. – Я про тебя не забыл, Солнышко! Я ни за что не забуду про Солнышко! И через миллион лет буду помнить! Столько я, правда, не проживу! В особенности потому, что я редко делаю физические упражнения! Но просто я не люблю физические упражнения, следовательно, так мне и надо! Помню, меня не взяли с собой в горы оттого, что я не тренировался как следует, и я...

– Ты хотел объяснить Солнышку, какую ты ей поручаешь работу, – мягко напомнила Фиона.

– Да, разумеется! – воскликнул капитан. – Естественно! Стряпней у нас занимается еще один член команды, но он

только и знает, что готовить противные овощи! Надоело до смерти! Я надеюсь, благодаря твоим кулинарным талантам наше меню улучшится!

– Саус, – со скромным видом проговорила Солнышко, что означало нечто вроде «Я очень давно не стряпала», и брат с сестрой поспешили перевести сказанное.

– Мы торопимся! – Капитан направился к дальней двери с надписью «КАМБУЗ». – Нам некогда ждать, пока Солнышко сделается поваром экстра-класса и только тогда приступит к работе! Тот или та, кто колеблется, – пропали! Эй, Куки! – Он открыл дверь и крикнул внутрь: – Куки! Выходи, познакомься с Бодлерами!

Дети слышали тихие неровные шаги, как будто у идущего была повреждена одна нога, и тут же из глубины кухни, прихрамывая, вошел мужчина в таком же комбинезоне, что и у капитана. На лице его сияла улыбка.

– Бодлеры! – воскликнул он. – Я всегда верил, что рано или поздно снова вас увижу!

Троица уставилась на него, потом друг на друга в полном ошеломлении, что в данном случае означает «изумившись при виде человека, которого знали во времена лесопилки „Счастливые запахи“, когда его доброе отношение к ним явилось одним из немногих положительных сторон той злополучной главы из их жизни».

– Фил! – закричала Вайолет. – Что вы тут делаете?

– Он и есть второй член Команды Два! – заревел капи-

тан. – Так точно! Сначала вторым членом команды была мать Фионы, но несколько лет назад она погибла во время несчастного случая, связанного с морской коровой.

– Не уверена, что это был несчастный случай, – возразила Фиона.

– Потом вторым членом был Жак! – продолжал капитан. – Так точно! Потом его брат, как там его звали, а потом ужасная женщина, которая оказалась шпионкой, и, наконец, теперь у нас Фил! Правда, мне нравится называть его Куки! Не знаю уж почему!

– Мне надоело работать в лесостроительной промышленности, – объяснил Фил. – Я не сомневался, что подыщу работу получше. И вот видите: теперь я повар на ветхой субмарине. Жизнь делается все лучше и лучше.

– Вы всегда были оптимистом, – заметил Клаус.

– Нам нужен не оптимист! – заявил капитан Уиддершинс. – Нам нужен кок! Принимайтесь за работу, Бодлеры! Все трое! Так точно! Нельзя терять ни минуты! Тот, кто колеблется, – пропал!

– Или та, – напредила отчиму Фиона. – А непременно надо начинать прямо сейчас? Бодлеры наверняка утомились от путешествия. Мы могли бы провести спокойный вечер, поиграть в настольные игры...

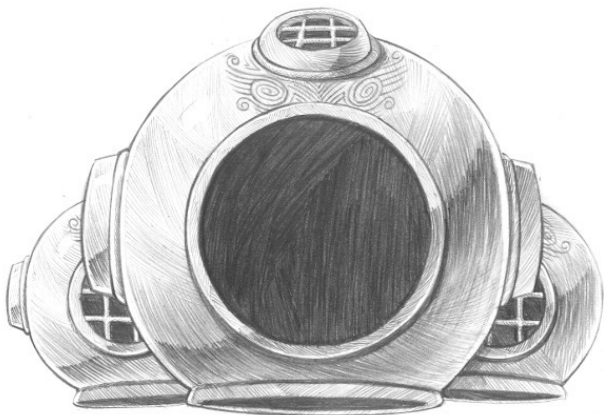
– Настольные игры?! – изумился капитан. – Развлечения? Увеселения? У нас нет на это времени! Так точно! Сегодня суббота, значит у нас осталось всего пять дней! В четверг со-

стоится собрание Г. П. В., и я не желаю, чтобы хоть кто-то в отеле «Развязка» мог сказать, будто «Квиквег» не выполнил своей миссии.

– Миссия? – переспросила Солнышко.

– Так точно! – отозвался капитан Уиддершинс. – Мы не должны колебаться! Надо действовать! Надо спешить! Надо двигаться! Надо искать! Надо исследовать! Надо вести поиски! Надо продолжать! Иногда надо ненадолго остановиться и перекусить! Мы должны найти сахарницу раньше Графа Олафа! Так точно!

Глава третья

Выражение «Разрази меня гром!» принято в обществе пиратов, которым нравится употреблять громкие выражения почти в такой же степени, как перепрыгивать на борт чужих судов и завладевать чужими драгоценностями. Оборот этот применяется для изъявления крайнего удивления, когда человек чувствует, что обстоятельства вот-вот сокрушат его. Я лично не употреблял этого выражения с тех пор, как одним дождливым вечером мне довелось изображать пирата, испытывающего крайнее удивление. Но когда капитан Уиддершинс сообщил бодлеровским сиротам, куда направляется «Квиквег» и в чем состоит цель поисков, упомянутая фра-

за пришлась как нельзя более кстати.

– Разрази меня гром! – воскликнула Солнышко.

– Что это с тобой? – вскричал в ответ капитан. – Разве Бодлеры промышляют пиратством? Боже милостивый! Если бы ваши родители знали, что вы отнимаете у людей сокровища...

– Мы не пираты, капитан Уиддершинс, – поспешно вступилась за сестру Вайолет. – Солнышко узнала эти слова из старого фильма. Она просто имеет в виду, что мы удивлены.

– Удивлены! – Капитан заходил взад-вперед, скрипя при каждом шаге водонепроницаемым костюмом. – Думаете, «Квиквег» преодолевал все трудности, когда плыл против течения по Порченому потоку ради своего удовольствия? Так? Думаете, я пошел на этот риск просто потому, что у меня выдался свободный денек? Так? Думаете, вы по чистой случайности наткнулись на наш перископ? Так? Думаете, я нарядился в этот скафандр, чтобы казаться толще? Так? Думаете, члены Г. П. В. баклуши бьют, пока Граф Олаф вьет густую паутину коварства и подлости по всему миру? Так?

– Значит, вы нас искали? – Клаус был потрясен. Его так и подмывало вслед за сестрой воскликнуть: «Разрази меня гром!» – но он не хотел еще больше растревожить капитана Уиддершинса.

– Да, вас! – закричал капитан. – Так точно! И сахарницу! Так точно! И справедливость! Так точно! И свободу! Так точно! И возможность сделать мир мирным! Так точно! И

безопасным! Так точно! А время у нас есть только до четверга! Так точно! Мы в ужасной опасности! Так точно! Поэтому за работу!

– Абракадабра! – крикнула Солнышко.

– Моя сестра сбита с толку, – пояснила Вайолет, – и мы тоже. Вот если б только на минутку остановиться и выслушать вашу историю с самого начала...

– Остановиться? – возмутился капитан. – Я только что вам объяснил наше отчаянное положение, а ты просишь остановиться?! Милая моя, вспомни мою личную философию! Так точно! «Тот или та, кто колеблется, – пропали!» А теперь – пора двигаться дальше!

Обескураженные дети переглянулись. Им не хотелось двигаться дальше. Им казалось, они и так беспрерывно перемещаются после ужасного дня на пляже, когда жизнь их перевернулась. Двигаясь, они переместились в дом Графа Олафа, потом они попеременно перемещались из дома в дом к разным опекунам. Они двигались, чтобы покинуть деревню, где их вознамерились сжечь на костре. После чего переместились в больницу, где вскоре вспыхнул пожар. Они переместились в багажнике олафовского автомобиля в Пустоши, а из Пустошей в переодетом виде – в Мертвые горы, надеясь найти там кого-нибудь из своих родителей, а затем вниз, спустившись с Мертвых гор, убежденные, что родителей они не увидят никогда. И сейчас, находясь в субмарине в глубине Порченого потока, они мечтали остановиться, хоть ненадол-

го перестать двигаться и получить ответы хотя бы на некоторые из вопросов, которые они не переставали задавать себе с тех самых пор, как начались их перемещения.

– Отчим, – нежно сказала Фиона, – почему бы тебе не завести двигатели «Квиквега»? А я тем временем покажу Бодлерам, где у нас хранятся запасные скафандры.

– Я – капитан! – грозно объявил капитан. – Так точно! Здесь я отдаю команды! – Он передернул плечами и поднял прищуренные глаза к потолку.

И тут Бодлеры в первый раз заметили веревочную лестницу, висевшую вдоль стены. Лестница вела к полке, на которой помещалось большое колесо, возможно рулевое, а также несколько ржавых рычагов и выключателей, назначение которых было непонятным, как китайская грамота, и в данном случае это означает «такой сложности, что, возможно, даже Вайолет Бодлер не справилась бы с ними».

– Приказываю себе подняться наверх, – продолжал капитан несколько смущенно, – и запустить двигатели «Квиквега». Так точно! – выпалил капитан и полез по лестнице, а Бодлеры остались внизу с Фионой и Филом.

– Наверное, вы несколько ошеломлены, – проговорил Фил. – Помню, как в первый день моего пребывания на «Квиквеге» лесопилка «Счастливые запахи» вспоминалась мне как тихое, спокойное место!

– Фил, принеси-ка Бодлерам газировки, а я подберу им гидрокостюмы, – попросила Фиона.

– Газировки? – Фил бросил пугливый взгляд на капитана, который как раз долез до середины веревочной лестницы. – Газировку нам велено беречь для особых случаев.

– Сейчас и есть особый случай, – настаивала Фиона. – Мы приветствуем трех новых волонтеров на борту субмарины. Какую вы любите газировку, Бодлеры?

– Любую, только не с оливкой. – Вайолет вспомнила любимый напиток Эсме Скволор.

– Я принесу лимонной, – сказал Фил. – Организм моряка должен содержать много цитруса. Дети, как же я рад вас видеть. Знаете, если бы не вы, я бы здесь не очутился. После той истории в Полтревилле я был так перепуган, что не захотел больше оставаться в «Счастливых запахах». И с тех пор моя жизнь – одно сплошное приключение!

– Жаль, что нога у тебя так и не зажила, – заметил Клаус, намекая на хромоту Фила. – Я и не представлял, что та история со штамповальным станком была настолько серьезна.

– Да я не потому хромаю, – отозвался Фил. – Просто меня на прошлой неделе укусила акула. Было очень больно. Но мне, я считаю, повезло: мало кому выпадает счастливый случай оказаться в такой близости к смертельно опасному существу!

Бодлеры проводили его взглядом, пока он шел, прихрамывая, на камбуз, насвистывая веселый галоп.

– Фил и раньше был таким оптимистом? – спросила Фиона.

– Всегда, – подтвердила Вайолет, и двое младших Бодлеров кивнули. – Других таких людей, кто бы сохранял жизнерадостность в самых ужасных обстоятельствах, мы не встречали.

– По правде говоря, иногда мне это кажется немного утешительным. – Фиона поправила свои треугольные очки. – Пойдем подыщем для вас комбинезоны.

Бодлеры кивнули и вышли вслед за Фионой из кают-компании в узкий коридор.

– Я знаю, у вас накопилось много вопросов, – продолжала Фиона. – Постараюсь рассказать вам все, что знаю. Отчим считает, что тот или та, кто колеблется, – пропали. Но у меня более осторожная личная философия.

– Мы будем тебе очень благодарны, если ты нам кое-что объяснишь, – начал Клаус. – Во-первых, откуда вы знаете, кто мы? Почему вы нас искали? Откуда вы узнали, где нас искать?

– Довольно много «во-первых». – Фиона улыбнулась. – По-моему, вы забываете, что ваши подвиги не секрет для многих. Почти ежедневно в одной из самых популярных газет рассказывалась ваша история.

– В «Дейли пунктилио»? – спросила Вайолет. – Надеюсь, вы не поверили их бессовестному вранью?

– Конечно нет. Но даже самые нелепые рассказы могут содержать крупинцы правды. В «Дейли пунктилио» сообщалось, что вы убили человека в Городе Почитателей Ворон, а

затем подожгли больницу и лагерь Карнавала Калигари. Мы, естественно, понимали, что вы не совершали этих преступлений, но таким образом мы прослеживали ваш путь. Мы с отчимом догадались, что вы нашли тайное пятно на карте Мадам Лулу и направляетесь к штабу Г. П. В.

Клаус кивнул:

– Значит, вам известно про Мадам Лулу и про закодированное пятно?

– Так ведь именно мой отчим научил ее этому коду. Это было давным-давно, когда оба они были молодыми. Недавно до нас дошли сведения об уничтожении штаба, поэтому мы предположили, что вы теперь спуститесь с гор. Вот я и задала курс вверх по течению Порченого потока.

– И вы проделали такой трудный путь наверх только ради нас? – поразился Клаус.

Фиона опустила глаза:

– Честно говоря, нет. Вы не единственное, что нас интересовало в штабе Г. П. В. В одной из полученных нами глубоководных почтовых вестей сообщалось, что там же находится и сахарница.

– Глаповес? – спросила Солнышко.

– «Что такое „глубоководные почтовые вести“?» – переела Вайолет.

– Это способ передачи информации, – объяснила Фиона. – Волонтерам трудно встречаться друг с другом часто, поэтому, раскрыв какую-нибудь тайну, они сообщают об этом в

телеграмме. Таким путем происходит обмен важной информацией, и наши ежедневники быстро наполняются данными, которые помогут нам победить наших врагов. Ежедневники – это...

– Мы знаем, что это такое, – перебил Клаус и вынул из кармана темно-синюю записную книжку. – У меня он есть.

Фиона улыбнулась и постучала пальцами в перчатке по переплету книжки.

– Я и сама должна была догадаться, что он у тебя есть, – сказала она. – Если твоим сестрам захочется завести себе такие же, у нас найдутся лишние. Все находится в подсобке.

– Значит, мы поднимаемся вверх по течению к штабу, чтобы забрать сахарницу? – проговорила Вайолет. – Мы ее там не видели.

– Мы считаем, ее кто-то выбросил в окно, когда начался пожар, – ответила Фиона. – Если ее выбросили из окна кухни, то она должна была попасть в Порченный поток, и тогда течение понесло ее к подножию Мертвых гор. Мы как раз собирались поискать ее на дне потока, когда вдруг наткнулись на вас.

– Возможно, течением ее унесло гораздо дальше, – задумчиво произнес Клаус.

– Я тоже так думаю, – согласилась Фиона. – Я надеюсь на тебя, может быть, тебе удастся определить ее местонахождение, когда ты изучишь карты приливов и отливов. Я в них ничего не смыслю.

– Я тебе покажу, как ими пользоваться. Ничего сложного.

– Это меня и пугает, – отозвалась Фиона. – Если это так легко, то Граф Олаф имеет шанс отыскать сахарницу раньше нас. Отчим говорит, если сахарница попадет в руки Графа Олафа, то усилия всех волонтеров сведутся на нет.

Бодлеры кивнули, и дальше все шли по коридору молча. Выражение «на нет» просто еще один способ сказать «напрасны». Однако какое бы выражение вы ни употребили, все равно смириться с таким результатом трудно. Например, позже, во второй половине дня я войду в большую комнату, полную песка, и, если не найду пробирку, которую ищу, мне трудно будет примириться с тем, что я просеял весь этот песок напрасно. Или: если вы упорствуете в своем желании прочесть эту книгу до конца, прерывая чтение приступами слез, – вам трудно будет признать, что вы прочли эту историю напрасно и лучше было бы пролистать нудные описания круговорота воды. А Бодлерам не хотелось признать, что все беды они перенесли напрасно, все их старания насмарку и вся их жизнь прошла впустую, – в том случае если Граф Олаф сумеет найти роковую сахарницу раньше их. Трое детей шли за Фионой по тускло освещенному коридору, и им хотелось верить, что время, проведенное ими на борту субмарины, не станет очередным ужасающим путешествием, которое еще раз приведет к безнадежности, безысходности и безотрадности.

Пока что путешествие привело их к невысокой двери, пе-

ред которой Фиона остановилась и обернулась к Бодлерам.

– Это наша подсобка, – сказала она. – Внутри вы найдете комбинезоны, хотя даже самый небольшой будет для Солнышка велик.

– В полоску, – пробормотала Солнышко. Она имела в виду нечто вроде «Не беспокойся – я привыкла к неподходящей одежде», и брат с сестрой поторопились перевести ее слова.

– Вам также понадобятся водолазные шлемы, – продолжала Фиона. – Наша лодка старая, может дать течь. Если течь будет серьезной, то под давлением воды обшивка «Квиквега» может не выдержать и вода хлынет внутрь. Кислородное устройство внутри водолазных шлемов позволит вам дышать под водой – во всяком случае какое-то время.

– Твой отчим сказал, что шлем Солнышку будет велик и ей придется поместиться внутри шлема, – заметила Вайолет. – Это безопасно?

– Безопасно, но неудобно, – ответила Фиона, – как и вообще все на «Квиквеге». Наша субмарина когда-то была в отличном состоянии, но, поскольку тут нет никого, кто бы разбирался в механике, сейчас лодка не очень-то соответствует своей былой славе. Многие помещения залиты водой, так что спать, к сожалению, мы будем в тесноте. Надеюсь, вы ничего не имеете против коек?

– У нас бывали постели и похуже.

– Да, я слышала. Я читала описание Сиротской лачуги в Пруфрокской подготовительной школе. Что-то кошмарное.

– Так вы уже тогда слышали про нас? – воскликнула Вайолет. – Почему же вы не разыскивали нас раньше?

Фиона вздохнула:

– Да, мы про вас знали. Я каждый день читала в газете про все ваши ужасные приключения, но отчим сказал, что мы ничего не можем поделать со злодеяниями, о которых там шла речь.

– Почему? – не выдержал Клаус.

– Он сказал, что ваши беды чересчур серьезны.

– Не понимаю, – пробормотала Вайолет.

– Я тоже, – призналась Фиона. – По словам отчима, злодейства в этом мире так много, что самое лучшее – это суметь совершить какой-то один небольшой благородный поступок. Потому-то мы и ищем сахарницу. Казалось бы, задача пустяковая, но поискам конца-края не видно,

– А чем так важна сахарница? – поинтересовался Клаус.

Фиона опять вздохнула и поморгала за стеклами своих треугольных очков. Вид у нее был такой огорченный, что средний Бодлер даже пожалел, что задал вопрос.

– Не знаю, – ответила она. – Отчим не хочет мне говорить.

– Поченет? – осведомилась Солнышко.

– Он говорит, мне лучше не знать. Думаю, это тоже великая тайна. Он говорит, что людей убивали за знание подобных великих тайн и он не хочет подвергать меня опасности.

– Но ты и так в опасности, – возразил Клаус – Мы все в опасности. Мы на борту ненадежной субмарины, пытаемся

найти маленький, но важный предмет, прежде чем на него наложит лапы гнусный злодей.

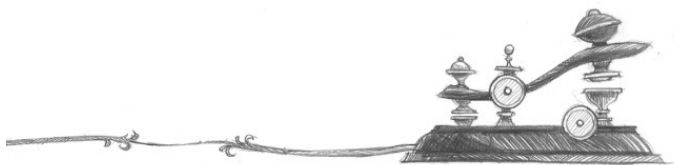
Фиона повернула ручку двери, и та открылась с долгим громким скрипом, заставившим Бодлеров вздрогнуть. Каюта была маленькая, плохо освещенная: горел только один зеленый огонек, и сперва Бодлерам почудилось, будто комната полна молча стоящих людей. Правда, они тут же разглядели, что это гидрокостюмы, висящие вдоль стены на крючках.

– Думаю, есть опасности и похуже, – тихо произнесла Фиона. – Думаю, мы даже и представить себе не можем какие.

Бодлеры взглянули на свою спутницу, а потом на ряд жутковатых пустых водолазных костюмов. Выше на полке выстроились большие водолазные шлемы – круглые металлические шары с круглыми смотровыми окошечками посередине. В неясном зеленоватом свете шлемы немного походили на глаза, пялившиеся на Бодлеров из подсобки, в точности как столько раз пялившийся на них глаз на щиколотке Графа Олафа. И хотя они пока не были пиратами, их так и подмывало повторить «Разрази меня гром!», когда они шагнули в тесное, заставленное вещами помещение. Их с ног до головы пробрала дрожь, им совершенно не хотелось думать о том, что «Квиквег» даст течь или разрушится под давлением воды, не хотелось представлять, как они лихорадочно напяливают на голову шлемы или как Солнышко лихорадочно втискивается в шлем. Им не хотелось размышлять о том, где сейчас Граф Олаф, или воображать, что случится, если он

найдет сахарницу раньше, чем они. Но больше всего бодлеровским сиротам не хотелось думать об опасностях хуже тех, каких они даже вообразить не могли.

Глава четвертая

Выражение «сидит как перчатка» звучит довольно странно, поскольку перчатки бывают разного типа и лишь немногие годятся именно в вашей ситуации. Если вам нужно согреть руки при низкой температуре, вам потребуется пара подходящих перчаток на теплой подкладке, а перчаточки, которые помещаются только в ящике кукольного комода, на чистое не годятся. Если вам необходимо проникнуть в ресторан среди ночи и украсть пару китайских палочек для еды, вам потребуются тонкие перчатки, не оставляющие отпечатков, а перчатка, украшенная звонкими бубенчиками, абсолютно не подойдет. А если вам надо незаметно пробраться через поросший густым кустарником участок, вам потребуется очень-очень большая перчатка из зеленой, в цвет листьев, ткани, а пара элегантных шелковых перчаток будет бесполезна.

Чаще всего выражение «сидит как перчатка» просто озна-

чает, что какая-то вещь вам в самый раз и подходит вам так же, как, например, сладкий крем подходит для десерта или китайские палочки – для выуживания документов из открытого портфеля. И поэтому, когда бодлеровские сироты облачились в водолазные костюмы, оказалось, что они сидят на них как перчатка. Хотя, по правде говоря, это не вполне соответствовало истине. Вайолет до такой степени была довольна тем, что на талии имелось несколько петель для инструментов, что не обратила внимания на пузыри на локтях. Клаус был рад-радешенек, что на комбинезоне имеется непромокаемый карман, куда можно класть записную книжку, и потому не обратил внимания на то, что сапоги немного жмут. А Солнышко, убедившись, что блестящая ткань не только водостойчива, но и брызгостойчива при готовке, не возражала против того, чтобы подвернуть штанины комбинезона до самого верха, иначе она не могла сделать ни шагу. Но даже не в отдельных подходящих деталях водонепроницаемых комбинезонов было дело – подходящим было место и люди. Уже долгое время Бодлеры испытывали ощущение, что жизнь их превратилась в прохудившуюся летающую тарелочку, которую перебрасывают от одного к другому, даже не пытаясь оценить их по достоинству или найти им подходящее применение. Но сейчас, застегнув молнии и разгладив портреты Германа Мелвилла на груди, дети почувствовали, что летающие диски еще можно привести в порядок. В кви-квеговских скафандрах они ощутили себя частью чего-то –

если и не семьи в точном смысле этого слова, то добровольного сообщества людей, объединившихся ради одной цели.

Мысль, что их изобретательские, исследовательские и кулинарные таланты оценят по достоинству, давным-давно не приходила им в голову, и теперь, когда они стояли в подсобке и рассматривали друг друга, мысль эта пришлась им по сердцу, как перчатка по руке.

– Вернемся в кают-компанию? – предложила Вайолет. – Я готова осмотреть телеграфное устройство.

– Погоди, сперва я ослаблю пряжки на сапогах, – остановил ее Клаус, – и тогда уже буду готов заняться картами приливов.

– Кюизи²... – начала было Солнышко. Под этим она подразумевала что-то вроде «С нетерпением жду, когда увижу, как...», но раздавшийся у них над головой громкий скрежет помешал младшей из Бодлеров закончить фразу. Вся лодка сотрясалась, и сверху на Бодлеров закапала вода.

– Что это? – Вайолет схватила водолазный шлем. – Может быть, «Квиквег» дал течь?

– Не знаю. – Клаус взял один шлем для себя и другой для Солнышка. – Пойдем узнаем.

Трое Бодлеров поспешили по коридору в кают-компанию. Между тем пугающий скрежет не прекращался. Если вам когда-нибудь приходилось слышать, как скребут ногтями по грифельной доске, то вы знаете, как это бьет по нервам. Де-

² Начало фр. слова *cuisine* – кухня.

тям показалось, будто самые длинные ногти в мире приняли субмарину за предмет этого школьного инвентаря.

– Капитан Уиддершинс! – как можно громче позвала Вайолет, пытаясь перекричать скрежет, когда они вошли в кают-компанию. Капитан все еще стоял на верхушке веревочной лестницы, ухватив рукой в перчатке рулевое колесо. – Что происходит?

– Да все это проклятое рулевое управление! Дрянь, а не механизм! – с отвращением крикнул в ответ капитан. – Так точно! «Квиквег» стукнулся о скалистый выступ на берегу потока. Если б я не сумел справиться с рулем, субмарина «К» и ее команда «Двое» уже лежали бы на дне с рыбами! Так точно!

– Может, сначала я проверю рулевой механизм, – предложила Вайолет, – а телеграфное устройство починю позже?

– Глупости! – отрезал капитан. – Если мы не сможем получать глубоководные почтовые вести, то так и будем блуждать с закрытыми глазами! Мы обязаны найти сахарницу раньше Графа Олафа! Так точно! Наша личная безопасность менее важна! Действуйте! Так точно! Шевелитесь! Так точно! Торопитесь! Так точно! Выпейте стакан воды, если одолела жажда! Так точно! Тот или та, кто колеблется, – пропали!

Вайолет не стала указывать ему, что найти сахарницу не удастся, если подводная лодка развалится, и к тому же она решила не спорить с капитаном по поводу его личной философии.

– Что ж, попробую, – сказала она и подошла к платформе на колесиках. – Ты не против, если я воспользуюсь ею? – спросила она Фиону. – С нее удобно поближе рассмотреть механизм.

– Сделай одолжение, – ответила Фиона. – Клаус, а мы с тобой займемся картами приливов. Давай разложим их на столе. Но при этом будем поглядывать в иллюминатор – не мелькнет ли сахарница. Вряд ли мы ее увидим, но последить стоит.

– Фиона, – нерешительно начала Вайолет, – а не могла бы ты также проследить, не мелькнет ли там наш друг, Куигли Квегмайр? Его унесло по другому притоку, и больше мы его не видели.

– Куигли Квегмайр? – переспросила Фиона. – Картограф?

– Он наш друг, – сказал Клаус. – Ты его знаешь?

– Только понаслышке, – ответила Фиона словом, которое здесь означает «Я не знакома с ним лично, но слышала, что он специалист по картам». Волонтеры давно потеряли его из виду, и Гектора, и остальных тройняшек Квегмайр тоже.

– Да, им не так повезло, как нам. – Вайолет затянула волосы лентой, чтобы сосредоточиться на ремонте телеграфного устройства. – А все-таки вдруг он попадет в поле зрения перископа?

– Попытка не пытка, – отозвалась Фиона.

В этот момент из камбуза вышел Фил в переднике поверх водолазного костюма.

– Солнышко! – окликнул он. – Кажется, ты собиралась помочь мне готовить. Боюсь, у нас порядочная нехватка продуктов. Я тут наловил сетью трески – прямо с «Квиквега», и еще у нас осталось полмешка картошки, но больше почти ничего нет. Не придумаешь ли, что бы такое сделать на обед?

– Чауда? – предположила Солнышко.

– Попытка не пытка, – отозвался Фил.

И следующие несколько часов трое Бодлеров успешно трудились, делая каждый свою попытку. Вайолет въехала на платформе под трубки, чтобы рассмотреть как следует телеграфное устройство. Она переплела какие-то проволоочки, завернула шурупчики найденной поблизости отверткой, но вдруг нахмурилась. Клаус сел за стол и принялся разглядывать карты, отмечая карандашом возможные пути, по которым сахарницу тащило течение Порченого потока. Солнышко же трудилась вместе с Филом на маленьком грязном камбузе, стоя на большой суповой кастрюле, чтобы дотянуться до стойки. Она варила картошку и вытаскивала маленькие рыбные косточки. Наступила вторая половина дня, вода за иллюминатором еще больше потемнела, а в кают-компании «Квиквега» стояла полная тишина, пока волонтеры трудились каждый над своим заданием. Но даже когда капитан Уиддершинс спустился вниз, достал из кармана комбинезона маленький колокольчик и огласил комнату громким металлическим звоном, Бодлеры все еще не были уверены, что их попытки увенчались успехом, а не остались лишь попыт-

ками.

– Внимание! – провозгласил капитан. – Так точно! Я жду от всей команды «Квиквега» отчета об их достижениях! Все сюда к столу и докладывайте!

Вайолет выехала на платформе из-под телеграфного устройства и присоединилась к брату и Фионе, уже стоявшим у стола. Солнышко с Филом показались в дверях камбуза.

– Я докладываю первым! – заявил капитан. – Так точно! Потому что я – капитан! А не потому, что я хвастун! Так точно! Я стараюсь хвастаться поменьше! Так точно! Хвастаться невоспитанно! Так точно! Я сумел провести судно вниз по Порченому потоку и больше ни на что не налетел! Так точно! А это намного труднее, чем может показаться! Так точно! Мы достигли моря! Так точно! Теперь будет легче ни на что не наскочить! Вайолет, теперь ты!

– Ну, я тщательно обследовала телеграфное устройство, – начала Вайолет. – Подкрутила кое-какие гайки, но не обнаружила ничего такого, что мешало бы получать телеграммы.

– Ты хочешь сказать, что аппарат исправен? – требовательным тоном спросил капитан.

– Так точно! – отозвалась Вайолет, уже освоившись со стилем капитана. – Я думаю, что-то не в порядке на другом конце.

– Прокто? – спросила Солнышко, желая сказать «другой конец?».

– Для передачи телеграмм требуется два устройства, – пояснила Вайолет. – Одно – чтобы отправить сообщение, другое – чтобы принять его. Думаю, вы не получаете глубоководных почтовых вестей оттого, что сломана отправляющая аппаратура.

– Но обычно мы получаем сообщения из многих волонтерских организаций, – заметила с недоумением Фиона.

– Так точно! – поддержал ее капитан. – Мы раньше получали телеграммы от двадцати пяти агентов и даже больше!

– Значит, повреждено много аппаратов, – ответила Вайолет.

– Саботаж³, – заявил Клаус.

– Да, похоже, что повреждения нанесены умышленно, – согласилась Вайолет. – Помните, мы посылали телеграмму мистеру По из лавки «Последний шанс»?

– Силенсия⁴, – проговорила Солнышко, что означало «Но ответа мы так и не получили».

– Они стягивают силы, – мрачно сказал капитан. – Наши враги мешают нам поддерживать связь друг с другом.

– Не представляю, каким образом Граф Олаф смог испортить такое количество телеграфных устройств.

– Многие сообщения передаются по телефонным линиям, – возразила Фиона, – оборвать их нетрудно.

³ *Саботаж* – намеренный срыв работы, противодействие осуществлению чего-либо.

⁴ Искажённое *silentium* – молчание (лат.).

– А кроме того, Олаф не единственный враг, – добавила Вайолет, имея в виду двух других негодяев, с которыми Бодлеры повстречались на Коварной горе.

– Так точно! – заявил капитан. – Без всяких сомнений. Вы и представить себе не можете, сколько зла вокруг. Клаус, как ты, разобрался с картами приливов?

Клаус разложил одну из карт на столе, чтобы все могли ее рассмотреть. Она демонстрировала Порченный поток на всем протяжении, с самого верха. Он без конца петлял между скалами, прежде чем влиться в море. Многочисленные стрелочки и условные знаки отмечали путь, которым текли воды потока. Стрелочки и знаки были нарисованы разноцветными чернилами, как будто карта переходила от одного исследователя к другому и каждый добавлял новую, добытую им информацию о том или ином участке.

– Это оказалось делом более сложным, чем я предполагал, – сказал средний Бодлер, – и гораздо более скучным. На этих картах отмечаются все до единой детали круговорота воды.

– *Скучным?! –* загремел капитан. – Так точно! Мы в разгаре выполнения труднейшего задания, а ты думаешь только о развлечениях? Так точно! Ты хочешь, чтобы мы *колебались*? Перестали действовать и устроили тут балаган, чтобы тебе не было на субмарине *скучно?!*

– Вы меня не так поняли, – поспешно ответил Клаус. – Я имел в виду, что исследовать что бы то ни было легче, когда

тебе это интересно.

– Ты говоришь прямо как Фиона, – заметил капитан. – Когда я прошу ее заняться изучением жизни Германа Мелвилла, работа у нее продвигается черепашьям шагом, но если объект изучения грибы – тут ей удержу нет.

– Грибы? – повторил Клаус. – Так ты миколог⁵?

Фиона улыбнулась, и глаза ее за стеклами треугольных очков удивленно расширились.

– Вот уж не думала встретить кого-нибудь, кто знает это слово. Кроме меня. Да, я миколог. Грибами я интересуюсь всю свою жизнь. Если будет время, я покажу тебе мою микологическую библиотеку.

– *Время?!* – возмутился капитан Уиддершинс. – Нам некогда рассматривать книжки про грибы. Так точно! У нас нет времени на то, чтобы вы тут флиртовали!

– Мы *не флиртуем!* – запротестовала Фиона. – Мы ведем беседу.

– А по-моему, флиртуете! Так точно!

– Не пора ли тебе рассказать, что дало исследование карт? – посоветовала Клаусу Вайолет, зная, что для него куда приятнее обсуждать карты приливов, чем свою личную жизнь.

Клаус бросил на сестру благодарный взгляд и показал какое-то место на карте.

– Если мои расчеты правильны, – сказал он, – то сахарни-

⁵ Миколог – ботаник, изучающий грибы.

цу унесло по тому же притоку, что и нас на санках. Господствующие течения ведут именно сюда, где начинается море.

– Значит, ее тоже вынесло в море, – предположила Вайолет.

– Думаю, да, – подтвердил Клаус. – Судя по карте, отлив несет сахарницу от Воскресного берега в северо-восточном направлении.

– Тонуть? – спросила Солнышко, имея в виду что-то вроде «Не упадет ли сахарница на дно океана?»

– Она слишком мала, – сказал Клаус. – Океан находится в постоянном движении, и предмет, который падает в море, может оказаться в нескольких милях от места падения. Приливы и течения в этой части океана потащат сахарницу мимо архипелага ГУЛАГ, а потом прямо к Заурядному коралловому рифу, не заворачивая в этой точке, которая на карте помечена буквами «А. А.». Капитан, вы не знаете, что значат эти буквы? Похоже, там какое-то плавучее сооружение.

Капитан вздохнул и покрутил кончик загнутого уса.

– Так точно, – с грустью произнес он. – «Ануистл Акватикс»⁶ – Морской исследовательский центр, основанный Грегором Ануистлом, известным ихнологом⁷, братом мужа Жозефины. Но все это дела давно минувших дней. А куда

⁶ *Акватикс* – от лат. *acuatics* – водяной, относится обычно к растениям и животным.

⁷ *Ихнолог* – палеонтолог, изучающий следы передвижения и жизнедеятельности вымерших организмов.

сахарница направится дальше? Бодлеры с удовольствием послушали бы про центр еще, но приставать к капитану с распросами не стали. Клаус показал на овальное пятнышко на карте и продолжал докладывать:

– Меня смущает это место. Видите – овал рядом с «Ануистл Акватикс»? Здесь стоят буквы «Г. Г.», но больше никаких объяснений нет.

– Г. Г.? – повторил капитан Уиддершинс и задумчиво пригласил усы. – Никогда не видел такого овала на такой карте.

– Тут есть еще кое-что загадочное. – Клаус всмотрелся в овальное пятно. – Внутри пятна две стрелки, и они показывают в разных направлениях.

– Возможно, течение здесь раздваивается, – предположила Фиона.

Вайолет нахмурилась:

– Это лишено всякого смысла.

– Мне тоже непонятно, – признался Клаус. – По моим расчетам, сахарницу должно было принести именно в это место. Но куда ее повлечет дальше, не могу представить.

– Думаю, надо взять курс на Г. Г., что бы эти буквы ни значили, – сказала Вайолет, – и увидеть это место своими глазами.

– Я – капитан! – рявкнул капитан. – Здесь команду я! Так точно! Приказываю взять курс на овал и там осмотреться на месте! Но прежде всего – я хочу есть! И пить! Так точно! И у меня рука чешется! Руку я могу почесать сам, но, Куки

и Солнышко, еда и питье – ваше дело! Так точно!

– Солнышко помогла мне приготовить рагу из рыбы, через несколько минут будет готово, – успокоил капитана Фил. – Солнышкины зубы оченьгодились, она ими накрошила вареную картошку.

– Флош⁸, – заметила Солнышко, что означало «Не беспокойтесь, я их вычистила, перед тем как использовать в качестве кухонной утвари».

– Рагу? Так точно! Звучит восхитительно! – вскричал капитан. – А как насчет десерта? Самая главная пища в течение дня – десерт! Таково мое мнение! Хотя, собственно, это не пища! Так точно!

– Сегодня наш единственный десерт – жвачка, – ответил Фил. – У меня немного осталось со времен лесопилки.

– Я, пожалуй, откажусь от десерта, – сказал Клаус. С тех пор как он столько натерпелся на лесопилке «Счастливые запахи», жвачка у него вызывала отвращение.

– Йомхьюлдет, – проговорила Солнышко. Она имела в виду «Не волнуйтесь – мы с Филом готовим для вас десерт-сюрприз на завтрашний вечер». Но естественно, лишь брату с сестрой было под силу понять ее оригинальную манеру выражаться.

Едва Солнышко успела произнести свое загадочное слово, как капитан Уиддершинс отскочил от стола и завопил:

– Так точно! Господи помилуй! Священный Будда! Чарлз

⁸ Созвучно со словом «флосс»; от англ. *floss* – нить для чистки зубов.

Дарвин! Дюк Эллингтон! Так точно! Фиона, останови двигатель! Так точно! Куки, выключай плиту! Так точно! Вайолет, проверь, отключено ли телеграфное устройство! Так точно! Клаус, сложи все материалы вместе, чтобы не разлетелись! Так точно! Спокойствие! Действуем! Быстро! Не паниковать! На помощь! Так точно!

– Что происходит? – спросил Фил.

– В чем дело, отчим? – спросила Фиона.

На этот раз капитан молча показал на экран на стене субмарины. Экран выглядел как лист миллиметровки, светящийся зеленым светом. В центре экрана ярко выделялась буква «К».

– Похоже на гидролокатор⁹, – заметила Вайолет.

– Это и есть гидролокатор, – отозвалась Фиона. – Мы по звукам определяем приближение другого подводного судна. Буква «К» символизирует «Квиквег» и...

Она вдруг ахнула, и Бодлеры посмотрели, куда указывала ее рука. На самом верху экрана возник еще один светящийся символ, и он двигался по экрану вниз в стремительном темпе, иначе говоря, прямо к «Квиквегу». Фиона не стала объяснять, что этот зеленый знак значит, и Бодлеры не осмелились спросить. Это был глаз, он вперился в испуганных волонтеров, шевеля длинными тонкими ресницами, торчащими во все стороны.

⁹ *Гидролокатор* – специальное устройство для обнаружения подводных объектов.

– Олаф! – прошептала Солнышко.

– Ну, наверняка утверждать нельзя, – сказала Фиона, – но лучше следовать командам отчима. Если это субмарина, то на ней тоже должен быть гидролокатор. Если «Квиквег» будет бесшумным, нас не обнаружат.

– Так точно! Скорее! – скомандовал капитан. – Тот, кто колеблется, – пропал!

Никто не считал нужным добавлять «или та» к личной философии капитана, все бросились заглушать звуки. Фиона вскарабкалась наверх по веревочной лестнице и отключила стрекочущий мотор. Вайолет снова легла на платформу и, оказавшись под телеграфным устройством, выключила его. Фил и Солнышко бросились в кухню и выключили плиту, чтобы пассажиров не выдало бульканье кипящей похлебки. А Клаус с капитаном собрали все материалы в одно место, чтобы на столе ничто не шуршало и не дребезжало. За какие-то секунды на лодке стало тихо, как в могиле, а все волонтеры молча застыли у стола, вглядываясь в темную воду за стеклом иллюминатора. По мере того как на экране глаз приближался к букве «К», из воды все выше поднималось нечто диковинное, становясь все отчетливее по мере приближения. Скоро стало окончательно ясно, что это тоже подводная лодка. Но таких лодок Бодлерам никогда не приходилось видеть даже в самых мудреных книжках. Субмарина была намного больше «Квиквега», и, когда она оказалась совсем близко, дети прикрыли себе рты рукой, чтобы их не выдал

вырвавшийся вздох ужаса.

Чужая субмарина имела вид гигантского осьминога с громадным металлическим куполом вместо головы и двумя большущими иллюминаторами вместо глаз. У настоящего осьминога, разумеется, восемь ног, но у этого было гораздо больше. То, что на экране гидролокатора выглядело как ресницы, оказалось узкими металлическими трубками; они торчали из тела осьминога и шарили в воде, отчего к поверхности стремглав мчались тысячи пузырьков, как будто испугавшись подводного чудовища. Осьминог подплыл еще ближе, и все шестеро пассажиров «Квиквега» застыли как статуи, надеясь, что чужая лодка не обнаружит их. Странное судно подошло так близко, что внутри одного из глаз осьминога Бодлеры увидели неясную фигуру – высокую и тощую, и, хотя больше разглядеть ничего не удалось, они не сомневались, что у фигуры одна бровь вместо двух, грязные ногти вместо чистых и опрятных и вытатуированный на левой щиколотке глаз.

– Граф Олаф, – не удержавшись, шепнула Солнышко, и тут же фигура в иллюминаторе дернулась, как будто этот еле слышный шепот позволил засечь «Квиквег».

Выпустив новый фонтан пузырьков, осьминог подплыл еще ближе, и казалось, вот-вот одна из ног сейчас заскребет по наружной стенке «Квиквега». Бодлеры посмотрели вниз, на шлемы, которые оставили на полу, и заколебались – не пора ли их надеть, вдруг лодка развалится. Фиона схватила

отчима за руку, но капитан Уиддершинс молча покачал головой и опять показал на экран. Глаз и буква «К» уже чуть не наехали друг на друга. Но не на это показывал капитан.

На экране появился третий объект, светящийся зеленым, еще крупнее двух первых: огромная изогнутая труба с маленьким кружком на конце ползла к центру экрана, словно змея. Но на змею она была не похожа. Маленький кружок точно влек за собой огромную изогнутую трубу в сторону «Квиквега» и перепуганной команды, и по мере приближения к глазу и букве «К» труба все больше выглядела как вопросительный знак. Бодлеры с ужасом взирали на этот новый объект, приближающийся к ним в зловещей тишине, и им чудилось, что вот-вот их поглотит тот самый вопрос, на который они все время ищут ответа.

Капитан Уиддершинс снова показал на иллюминатор, и дети увидели, как осьминог остановился, словно тоже заметил третью фигуру. Его щупальца заработали с бешеной скоростью, и он ретировался, иначе говоря, исчез из поля зрения глядевших в иллюминатор, удирая прочь от «Квиквега». Бодлеры молча смотрели на экран гидролокатора и следили за тем, как вопросительный знак гонится за светящимся зеленым глазом, пока оба объекта не исчезли с поля экрана и «Квиквег» не остался один. Шестеро пассажиров подождали еще минутку, а потом с облегчением перевели дух.

– Уплыл, – выдохнула Вайолет, – Граф Олаф нас не обнаружил.

– Я знал, что все обойдется. – Как всегда, Филу не изменил его оптимизм. – И вообще Олаф, возможно, был в хорошем настроении.

Бодлеры не стали объяснять ему, что у их врага хорошее настроение бывает только в тех случаях, когда ему удалось привести в исполнение один из своих коварных планов или когда громадное состояние, доставшееся Бодлерам, должно вот-вот оказаться в его неопрятных руках.

– Что произошло, отчим? – спросила Фиона. – Почему он удрал?

– Что это была за третья фигура на экране? – поинтересовалась Вайолет.

Капитан покачал головой:

– Нечто очень скверное. Может быть, похуже Олафа. Я же говорил вам, Бодлеры, существует зло, какого вам даже не вообразить.

– Нам и воображать не надо, – возразил Клаус. – Мы его только что видели на экране.

– Подумаешь, экран, – отозвался капитан. – Экран ведь просто оборудование, правда? Был такой философ, он говорил, что вся жизнь лишь игра теней. Люди просто сидят себе в пещере и наблюдают, как движутся тени на стене. Так точно! Тени чего-то более значительного, грандиозного, чем они сами. Так вот, этот экран служит для нас чем-то вроде стены в пещере, и он показывает нам отражения чего-то гораздо более могущественного и устрашающего.

– Не понимаю, – проговорила Фиона.

– Я и не хочу, чтобы ты понимала. – Капитан обнял ее за плечи. – Потому и не говорю тебе, чем так важна сахарница. В этом мире водятся тайны такие ужасные, что юным существам лучше их не знать, даже когда тайны подступают все ближе! Так точно! Как бы то ни было, я хочу есть! Так точно! Будем мы наконец обедать?!

Капитан снова затряс колокольчиком, и Бодлеры словно очнулись от глубокого сна.

– Сейчас подам рыбное рагу, – объявил Фил. – Солнышко, помогай!

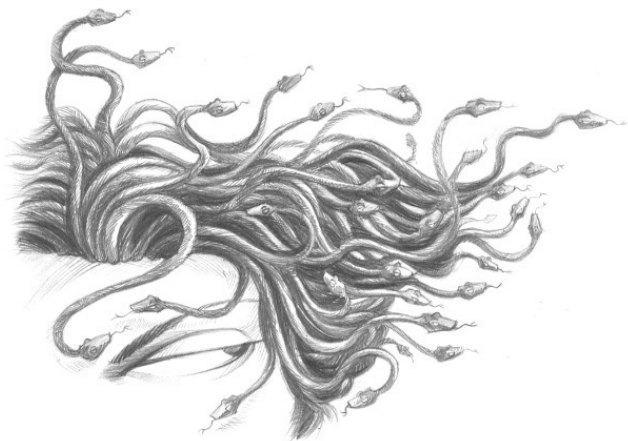
– Я включу двигатели. – И Фиона начала карабкаться по веревочной лестнице наверх. – Вайолет, в ящике стола полно ложек и вилок. Может, вы с братом накроете на стол?

– Да, конечно, – отозвалась Вайолет, но, повернувшись к брату, нахмурилась: средний Бодлер стоял как вкопанный и с сосредоточенным видом вглядывался в карту приливов. Глаза его за стеклами очков блестели так ярко, что напоминали светящиеся знаки на экране локатора. – Клаус! – окликнула Вайолет.

Клаус, не отвечая, отвел взгляд от карты и обратился к капитану Уиддершину:

– Может, я и не знаю, чем важна сахарница, но я только что вычислил, где она находится.

Глава пятая

Когда приходится обедать в гостях, особенно с малознакомыми людьми, всегда удобно иметь наготове фразу-открывалку, то есть вступительную фразу, призванную разговорить присутствующих и положить начало интересной беседе. Хотя в последнее время званые обеды, на которых я бываю, все реже обходятся без перестрелки или без тапиоки¹⁰, в записной книжке у меня тем не менее имеется список удачных и неудачных вступительных фраз, которые помогают избежать неловких пауз за обеденным столом. К примеру, фра-

¹⁰ *Тапиока* – крупа из крахмала. В России ее называют «саго».

за «Кто хочет посмотреть пачку фотографий, которые я привез из отпуска?» никуда не годится в качестве затравки для разговора. Услышав это, ваши сотрапезники¹¹, чего доброго, содрогнутся, вместо того чтобы вступить в беседу. А вот удачными фразами для начала, с моей точки зрения, можно считать вопросы: «Что способно побудить человека совершить поджог?», или «Почему так часто истории истинной любви заканчиваются трагедией и отчаянием?», или «Мадам ди Люстро, кажется, я выяснил, кто вы такая на самом деле!». Эти фразы, вероятно, вызовут обсуждение, спор, обвинения, и, таким образом, обед пройдет оживленно. Когда Клаус Бодлер объявил, что установил местонахождение сахарницы, слова его явились одной из лучших вступительных фраз в истории застолий, и все пассажиры «Квиквега» заговорили одновременно, а обеда, между прочим, еще даже и не подали.

– Так точно? – прокричал капитан Уиддершинс. – Ты вычислил, куда ее унесло течением? Так точно? Но ты только что сказал, что не знаешь этого! Так точно! Сказал, что запутался в картах приливов и тебе непонятен овал с буквами «Г. Г.»! Так точно! И все-таки ты сообразил! Ты умница! Так точно! Ты гений! Так точно! Книгочей! Так точно! Выдающийся! Так точно! Блестящий! Так точно! Если найдешь сахарницу, я разрешу тебе жениться на Фионе!

¹¹ *Сотрапезники* – принимающие пищу за одним столом, трапеза – прием пищи (устар.).

– Отчим! – Фиона зарделась.

– Не волнуйся, – отозвался капитан, – для Вайолет мы тоже подыщем мужа! Так точно! Может быть, найдем твоего пропавшего брата, Фиона! Он, конечно, много старше и пропал давным-давно, но если Клаус сумеет разыскать сахарницу, то, возможно, и брата твоего найдет! Так точно! Он обязательный молодой человек, так что, Вайолет, ты вполне можешь в него влюбиться, и тогда устроим сразу две свадьбы! Так точно! Прямо здесь, в кают-компании «Квиквега»! Так точно! Я буду счастлив совершить обряд бракосочетания! У меня давно припасен галстук-бабочка для торжественного случая!

– Капитан Уиддершинс, – прервала его Вайолет, – давайте не отклоняться от темы сахарницы. – Вайолет не добавила, что еще достаточно долго не будет помышлять о замужестве, особенно после того, как Граф Олаф недавно пытался жениться на ней.

– Так точно! – вскричал капитан. – Естественно! Разумеется! Так точно! Рассказывай, Клаус! А мы пока будем есть! Так точно! Солнышко! Куки! Несите ваше рагу!

– Обед подан! – Фил внес две дымящиеся миски с рагу. Младшая из Бодлеров шла за ним по пятам. Она была еще мала и не могла нести горячую пищу, но она нашла перечницу и теперь обходила стол, предлагая всем по очереди свежемолотого перца.

– Мне двойную порцию, Солнышко! – крикнул капитан,

первым выхватывая миску, хотя вежливость требует сперва обслужить гостей. – Отлично, горячо! Двойная порция перца! Местоположение сахарницы! Так точно! От этого перца у меня сейчас очки слетят! Так точно! Как я рад, Бодлеры, что выудил вас из воды!

– Я тоже рада. – Фиона застенчиво улыбнулась Клаусу.

– А уж я как рад! – подхватил Фил, внося еще две миски с рагу. – Никак не думал, Бодлеры, когда-нибудь вас увидеть, и вдруг вы тут как тут! Все трое подросли и выглядите хорошо, хоть вас и преследует злобный негодяй и ложно обвиняют во многих преступлениях!

– Да, путешествие у вас было изматывающее, – добавила Фиона, подразумевая «отчаянное и крайне мучительное».

– Боюсь, нам предстоит еще одно изматывающее путешествие, – отозвался Клаус. – Когда капитан Уиддершинс рассказал о философе, который считал, что вся жизнь лишь тени на стене в пещере, я сразу догадался, что означает овальное пятно.

– Философ? – переспросил капитан. – Немыслимо! Так точно!

– Абсурд! – выпалила Солнышко, желая сказать «Философы живут на вершинах гор или в башнях из слоновой кости, а не под водой».

– Я думаю, Клаус имеет в виду пещеру, – поспешно вставила Вайолет. – Овал, должно быть, означает вход в пещеру.

– Это вблизи «Ануистл Акватикс». – Клаус показал на

карту. – Океанские течения должны были доставить сахарницу к самому входу, а течение внутри пещеры – утянуть ее дальше внутрь.

– Но карта показывает только вход в пещеру, – заметила Вайолет. – Неизвестно, что там дальше. Вот если бы Куигли был здесь. С его знанием карт он бы понял, куда ведут ходы в пещере.

– Но Куигли здесь нет, – мягко напомнил Клаус. – И придется нам путешествовать по неизведанным водам.

– Это будет интересно, – вмешался Фил.

Бодлеры переглянулись. Выражение «неизведанные воды» относится не только к подводной местности, не обозначенной на морских картах. Речь может идти о любом незнакомом месте, как, например, лес, в котором заблудился не один путник. А может относиться к вашему будущему, которое остается неизвестным, пока оно не наступило. Не нужно даже быть таким оптимистом, как Фил, чтобы считать плавание по неизведанным водам интересным. Я и сам провел не один увлекательный день, исследуя неисследованные страницы непрочитанной книги или укромный уголок, который я обнаружил в буфете (имеется в виду предмет мебели в столовой с ящиками и полками, чтобы держать в них различные полезные вещи). Бодлерам уже не раз приходилось исследовать неведомые воды, начиная с озера Лакримозе и населяющих его ужасных созданий и кончая неисследованными тайнами больничного хранилища документов, а также

неизведанными глубинами олафовского коварства, которые были глубже и чернее любых морских глубин. После всех блужданий по неизведанному бодлеровским сиротам вовсе не хотелось исследовать неизведанные воды, поэтому они не разделяли восторженности Фила.

– «Квиквег» не первый раз попадает в неизведанные воды, – сказал капитан Уиддершинс. – Так точно! Большую часть этого моря исследовали именно субмарины Г. П. В.

– Мы думали, эти буквы означают «Группа пожарников-волонтеров», – заметила Вайолет. – Зачем пожарной команде проводить столько времени под водой?

– Они не просто пожарные, – ответил капитан очень тихим голосом, как будто говорил сам с собой. – Да, начиналось это с пожарной команды. Но волонтеров интересовало и многое другое! Я одним из первых вступил в общество Гармоничного противопожарного воспитания. Такова была одна из миссий центра «Ануистл Акватикс». Так точно! Я провел четыре долгих года, обучая лососей плыть вверх по течению и отыскивать лесные пожары. Ты, Фиона, тогда была еще совсем маленькая, но твой брат уже работал наравне со мной. Видела бы ты, как он таскал у меня червей и скармливал их своим любимцам. Так точно! Программа не слишком удалась. Так точно! Возникло кафе «Сальмонелла» и забрало весь наш флот для ловли рыбы! Сникетовская троица боролась как могла. Так точно! Историки называли это время «Сникетовские сражения»! Так точно! Но, как писал поэт:

«Много трески, много тоски».

– Сникетовская тройца? – быстро переспросил Клаус.

– Да. Один благороднее другого. Так точно! Кит Сникет помогала строить эту субмарину! Так точно! Жак Сникет доказал, что причина знаменитого пожара в Королевском парке – поджог! Так точно! А третий брат со своими мартышками...

– Вы, кажется, знали Жака Сникета? – обратилась Фиона к Бодлерам, без стеснения прерывая отчима.

– Очень недолго, – ответила Вайолет. – Недавно мы нашли адресованное ему сообщение и таким путем узнали про собрание в четверг в последнем безопасном месте.

– Никто не мог послать сообщение Жаку, – возразил капитан. – Так точно! Жака нет в живых!

– Этартсигам! – выпалила Солнышко, и брат с сестрой поспешили объяснить, что она хотела сказать «Там стояли инициалы „Ж. С.“».

– Значит, это какой-то другой Ж. С., – предположила Фиона.

– Кстати, о загадочных инициалах, – вспомнил Клаус. – Интересно, что означают буквы «Г. Г.». Если бы мы знали, как называется пещера, мы получили бы более ясное представление о нашем путешествии.

– Так точно! – проговорил капитан Уиддершинс. – Попробуем догадаться! Грандиозная гора! Так точно! Голубая гря-

да! Так точно! Грозный глетчер!¹² Так точно! Гармоничная гимнастика! Так точно! Грязный гуляш! Так точно! Готический губернатор! Так точно! Глупый гайморит! Так точно! Гадалка, гадающая-на-картах! Так точно!

На этом месте падчерица встала, вытерла губы салфеткой с вышитым портретом Германа Мелвилла, направилась к шкафу в дальнем углу кают-компания и открыла дверцы. Внутри обнаружилось несколько полок, плотно уставленных книгами.

– Вчера я начала читать новое поступление в мою микологическую библиотеку. – Она привстала на цыпочки и потянулась к верхней полке. – И сейчас вспомнила кое-что, что может пригодиться. Так, посмотрим. – Фиона принялась листать толстый том под заглавием «Микологические миниатюры¹³», что означает здесь «сомнительные факты о грибах». – Так. Это было в оглавлении, больше я ничего прочитывать не успела. Где-то на середине оглавления. – Фиона перенесла книгу на стол, и, пока она водила пальцем по строчкам, Бодлеры глядели ей через плечо, столпившись рядом. – Глава тридцать шесть «Дрожжевой гриб», глава тридцать семь «Поведение сморчков в свободном обществе», глава тридцать восемь «Грибковая плесень», глава тридцать девять «Посещаемые канавы с грибами», глава сорок «Грот

¹² *Глетчер* – то же, что ледник.

¹³ *Миниатюра* – обычно относится к небольшим живописным, литературным и музыкальным произведениям.

горгоны». Здесь!

– Грот? – повторила Солнышко.

– Грот то же самое, что пещера, – объяснил Клаус.

Фиона стала быстро перелистывать страницы, ища сороковую главу.

– «Грот Горгоны, – прочла она. – Находится в водах, пограничных с „Ануистл Акватикс“, наименование фантастическое, уходит корнями в греческую мифологию, поскольку эта конусообразная полость, иначе говоря, пещера, населена тем, что, возможно, является главным кошмаром всего микологического пантеона¹⁴».

– Так точно! Я же говорил, что книга слишком трудная! – воскликнул капитан Уиддершинс. – Ребенку не под силу расшифровать подобный лексикон.

– Да, стиль тяжеловат, – согласился Клаус, – но, по-моему, понятно, о чем тут речь. Название грота идет из греческой мифологии.

– От имени «Медуза Горгона», – подхватила Вайолет. – Это женщина, у которой на голове змеи вместо волос.

– Она превращала человека в камень, – добавила Фиона.

– Но если бы познакомиться с ней поближе, она могла оказаться вполне милой, – вмешался Фил.

– Так точно! По-моему, меня в детстве водила в школу именно такая! – вскричал капитан.

– Не думаю, что Горгона существовала в реальности, –

¹⁴ *Пантеон* – совокупность всех богов у древних греков и римлян.

сказал Клаус. – Она, скорее всего, сказочное существо. В книге говорится, что назвать грот именем мифологического чудовища было уместно, поскольку в пещере обитает нечто кошмарное.

– Кошмар? – спросила Солнышко.

– Кошмарным можно назвать кого и что угодно противное и страшное, – пояснил Клаус. – Графа Олафа мы тоже могли бы назвать кошмарным, будь у нас такое желание.

– Мне бы вообще не хотелось о нем говорить, – заметила Вайолет.

– В книге под словами «главный кошмар» подразумевается своеобразный гриб. – И Фиона продолжила чтение: – «Медузообразный мицелий обладает уникальной и эффективной стратегией прибывания и убывания. Все начинается с короткого состояния покоя, когда мицелий почти невидим, затем происходит скоропалительный рост и выбрасывание пестрых стеблей и шапочек крайней ядовитости. Счастье, что грот служит как бы местом карантина».

– Я не все научные термины понял, – проговорил Клаус.

– А я поняла, – сказала Фиона. – Грибы состоят из трех основных частей: шапочки в форме зонтика и стебля, поддерживающего его зонтик. Эти части видны.

– И есть часть, которой мы не видим? – спросила Вайолет.

– Да, она называется мицелий. Мицелий похож на пучок ниток и разветвляется во все стороны под землей. У некоторых грибов мицелий уходит под землей на мили.

– Как пишется «мицелий»? – осведомился Клаус, опуская руку в водонепроницаемый карман. – Я хочу записать про грибы в ежедневник.

– «Медузообразный мицелий, – прочла вслух Фиона, – прибывает и убывает», то есть шапочки и стебли поднимаются кверху из мицелия, потом вянут, а потом снова вырастают. Пока они не вылезли из почвы, мы и не знаем, что под ногами у нас грибы.

Бодлерам представилось, как из-под ног у них внезапно выскакивают грибы, и им стало немного не по себе – они будто предчувствовали близкую встречу с этими смертоносными грибами.

– Звучит жутковато, – проговорила Вайолет.

– Дальше еще хуже, – продолжала Фиона. – Грибы крайне ядовиты. Послушайте: «Как сказал поэт: „В их спорах яд ужасной силы. / Вдохнешь – и через час в могилу!“ Споры – то же, что семя. Если для нее найдется подходящее место, она станет мицелием. Но если ее съесть или даже вдохнуть ее запах, то последует смерть».

– В течение часа? – повторил Клаус. – Быстродействующий яд.

– По большей части против грибных ядов имеются противоядия, – добавила Фиона. – Яд смертоносного гриба может быть одновременно источником чудодейственных лекарств. Я и сама занималась кое-какими из них. Но в этой книге говорится: «Хорошо, что грот выполняет роль карантина».

– Карант? – переспросила Солнышко.

– Карантин – это когда изолируют что-то опасное, чтобы оно не распространялось вокруг, – объяснил Клаус. – Благодаря тому что медузообразный мицелий находится в неизведанных водах, им отравляются очень немногие. Если занести на сушу хоть одну спору, кто знает, каковы будут последствия.

– Мы и выяснять это не будем! – воскликнул капитан Уиддершинс. – Мы не возьмем с собой никаких спор! Так точно! Мы просто схватим сахарницу – и наутек! Так точно! Иду ставить судно на курс!

Капитан вскочил и начал карабкаться по веревочной лестнице к пульту управления.

– Ты уверен, что надо продолжать выполнять нашу миссию? – задала отчиму вопрос Фиона, захлопывая книгу. – Все это мне кажется очень опасным.

– Опасным? Так точно! Опасным и жутким! Так точно! Жутким и трудным! Так точно! Трудным и таинственным! Так точно! Таинственным и неудобным! Так точно! Неудобным и рискованным! Так точно! Рискованным и благородным! Так точно!

– Думаю, гриб не может нам повредить, пока мы в субмарине, – сказал Фил, стараясь сохранять всегдашний оптимизм.

– А если бы и мог! – прокричал капитан сверху, сопровождая свой пылкий риторический монолог (иначе говоря,

эмоциональную речь, показавшуюся Бодлерам вполне убедительной, хотя не с каждым словом они были согласны) эффектными взмахами руки. – Степень коварства в нашем мире огромна! – громогласно продолжал он. – Так точно! Подумайте о судах, которые мы видели на экранах гидролокатора! Подумайте о громадной субмарине Графа Олафа и другой, еще более громадной лодке, которая ее прогнала! Так точно! За нами всегда гонится по пятам что-то с каждым разом все более громадное и более устрашающее. Так точно! Потому и погибло столько благородных субмарин! Так точно! Думаете, водонепроницаемые комбинезоны с портретом Германа Мелвилла – единственная благородная форменная одежда на свете? Были волонтеры с портретами П. Г. Вудхауза¹⁵ и Карла ван Вехтена¹⁶ на скафандре. Встречались также изображения Коминз¹⁷ и Клири¹⁸, Арчи и Мехитабел¹⁹. Но сейчас волонтеры стали редкостью! И наше дело – совершить какой-нибудь один скромный благородный поступок! А именно забрать сахарницу из грота Горгоны, каким бы он ни был угрюмым! Так точно! Не забывайте мою личную фи-

¹⁵ *Пэлем Грэнвил Вудхауз* – английский прозаик начала XX века.

¹⁶ *Карл ван Вехтен* – американский журналист, фотограф-портретист, работал в 1920–1950-е годы.

¹⁷ *Коминз Барбара* – английская писательница середины XX века.

¹⁸ *Клири Бэверли* – американская детская писательница первой половины XX века.

¹⁹ *Арчи и Мехитабел* – персонажи юмористической книжки Дона Маркиса: сверчок Арчи, влюбленный в кошку по имени Мехитабел.

лософию! Тот, кто колеблется, – пропал!

– Или та! – добавила Фиона.

– Или та, – подтвердил капитан. – Так точно!

– Так точно! – крикнула Вайолет.

– Так точно! – прокричал Клаус.

– Так точно! – взвизгнула Солнышко.

– Ура! – завопил Фил.

Капитан Уиддершинс бросил на Филя недовольный взгляд – он предпочел бы услышать от него «Так точно!», как от всех остальных.

– Куки! – приказал он. – Мой посуду! Остальные – на боковую! Так точно!

– На боковую? – с недоумением проговорила Вайолет.

– Это значит «спать!», – объяснил капитан.

– Мы знаем, что значит «на боковую», – возразил Клаус. – Просто мы удивлены, что должны спать, вместо того чтобы выполнять нашу миссию.

– До пещеры не так близко! – отозвался капитан. – Я хочу, чтобы вы все четверо хорошо отдохнули, до того как понадобится! А теперь – в кубрик! Так точно!

Одна из самых горьких жизненных истин состоит в том, что время ложиться спать часто наступает именно тогда, когда начинается самое интересное. Бодлерам совершенно не хотелось ворочаться без сна в кубрике (слово, означающее здесь тип спальни, как правило неудобной), в то время как лодка все приближается к таинственному гроту и к столь

неотъемлемо важному предмету (имеется в виду сахарница, хотя дети и не знали, чем она так важна). Однако, пока они шли за Фионой по коридору мимо таблички, извещающей о личной философии капитана, мимо двери в подсобку, мимо бессчетного числа капающих металлических трубок, Бодлеры и впрямь почувствовали усталость, а когда Фиона открыла дверь в небольшую, с зеленоватым освещением комнату, уставленную просевшими койками, дети уже зевали во весь рот. Возможно, причиной был долгий утомительный день, который начался на ледяной вершине Коварной горы, но только Вайолет, против обыкновения, не пришло в голову ни одной механической идеи, когда она улеглась на койку. Клаус едва успел снять очки и положить их на ночной столик, как в ту же минуту отключился, что означает здесь «заснул, не успев поразмыслить над прочитанной за последнее время книжкой». А Солнышко свернулась калачиком на подушке и, ни секунды не потратив на мечты о каком-нибудь новом кулинарном рецепте – предпочтительно твердого, а не кашеобразного кушанья, поскольку ей по-прежнему, как и в младенчестве, нравилось кусать предметы, – погрузилась в сон. И даже Фиона, с чьими привычками перед сном я знаком не так хорошо, положила свои очки на столик рядом с очками Клауса и мгновенно уснула. Жужжание двигателей «Квиквега» действовало так усыпляюще, что дети проспали несколько часов и, вероятно, спали бы и дальше, если бы их не разбудил страшный – и страшно знакомый – звук. Это был

громкий и пугающий скребущий звук, как будто кто-то царапал по школьной доске ногтями. Лодку невероятно трянуло, и Бодлеры, можно сказать, вывалились из коек.

– Что это? – спросила Вайолет.

– На что-то налетели, – хмуро отозвалась Фиона, хватая очки одной рукой и шлем другой. – Надо посмотреть, в чем дело.

Бодлеры кивнули и, покинув кубрик, поспешили обратно по коридору. Из некоторых трубок раздавалось неприятное хлопанье, и Клаусу пришлось схватить Солнышко на руки, чтобы перенести через несколько больших луж.

– Субмарина вышла из строя? – спросил Клаус.

– Скоро узнаем, – ответила Фиона и не ошиблась.

Они быстро дошли до кают-компаний, где Фил с капитаном стояли около стола и глядели в иллюминатор в непроглядную черноту. Лица у обоих были мрачные, хотя Фил и пытался выдавить улыбку.

– Хорошо, что вы немного отдохнули, – встретил их сей оптимист. – Вас ждет настоящее приключение.

– Молодцы, что захватили с собой шлемы, – одобрил капитан Уиддершинс. – Так точно!

– Почему? – спросила Вайолет. – Субмарина серьезно повреждена?

– Так точно! – ответил капитан. – То есть я хочу сказать – нет. Повреждена, но какое-то время продержится. Мы достигли грота Горгоны примерно час назад, и я с легкостью

завел лодку внутрь. Но дальше пещера все сужалась и сужалась по мере нашего продвижения вперед.

– В книге говорилось, что грот имеет коническую форму, – вмешался Клаус, – так что он и должен сужаться.

– Так точно! – отозвался капитан. – Вход оказался широким концом конуса, а теперь субмарина застряла. Если мы хотим забрать сахарницу, придется использовать кое-что небольшого размера.

– Перископ? – выговорила Солнышко.

– Нет, – ответил капитан Уиддершинс. – Ребенка.

Глава шестая

– Ну, вы, ребята, шикарно выглядите в шлемах! – встретил их Фил с широкой оптимистичной улыбкой. – Наверное, нервничаете немножко, но уверен, все вы окажетесь на вы-

соте!

Бодлеровские сироты со вздохом посмотрели друг на друга из глубины водолазных шлемов. Когда вам говорят, что вы безусловно окажетесь на высоте, стало быть, рассчитывают на ваши силы или умение справиться с создавшейся ситуацией. Но Вайолет, Клаус и Солнышко так боялись оказаться на глубине, что очень сомневались в своей способности оказаться на высоте. Они уже, правда, попривыкли к шлемам, пока таскали их в руках туда-обратно по коридору, но, лишь пристегнув их к своим водолажным костюмам, они осознали, насколько шлемы неудобны. Вайолет не нравилось, что она не может сквозь шлем завязать волосы, если понадобится изобрести что-то вдруг, экспромтом – слово, в данном случае означающее «пробираясь по гроту Горгоны». Клаус обнаружил, что видит очень плохо, так как смотреть через маленькое круглое окошко в очках очень трудно. А Солнышку совершенно не понравилось ютиться внутри закупоренного шлема, да еще когда сестра несла этот шлем в руке, как будто она волейбольный мяч, а не маленькая девочка. Когда совсем недавно дети облачились в водолажные костюмы, всем троим показалось, что костюмы сидят на них как перчатка. Но теперь, когда они шагали за капитаном Уиддершинсом по мокрому, заливаемому сверху из трубок коридору, они стали опасаться, что костюмы, точно якорь, потянут их на дно.

– Не беспокойтесь, – ободряла их Фиона, словно прочла

их мысли. Она улыбнулась через окошко шлема. – Уверяю вас, костюмы абсолютно надежны – надежны, но неудобны.

– Конечно, они позволяют дышать! – воскликнул капитан. – Так точно! Кислородная система внутри шлемов обеспечивает поступление воздуха на время короткого путешествия! Разумеется, если подвернется случай, сразу снимайте шлемы! Так точно! Тогда система подзарядится и воздуха прибавится.

– Разве нам может предоставиться такой случай в подводной пещере? – осведомился Клаус.

– Как знать? Так точно! Вы же попадете в неизведанные воды. Я бы и сам хотел пойти с вами! Так точно! Но грот чересчур узкий!

– Хьюинкелла, – пробурчала Солнышко. Голос ее звучал так глухо, что даже сестре с братом не удалось понять смысл сказанного.

– Думаю, сестра интересуется, как мы разглядим, куда идти, – предположила Вайолет. – Есть ли на «Квиквеге» водонепроницаемые фонарики?

– Фонарики я вам дам, но они не помогут, – ответил капитан. – Так точно! Слишком темно! Так точно! Если расчеты Клауса верны, то прилив протолкнет вас дальше в пещеру и принесет прямо к сахарнице!

– Какой-то чересчур пассивный способ путешествовать, – заметила Фиона.

– Так точно! – согласился отчим. – Так и есть! Но другого

способа нет! Главное – не колебаться! – Он остановился и указал на табличку. – «Тот или та, кто колеблется, – пропади!» – напомнил он.

– Как тут не колебаться, – отозвалась Вайолет, – все-таки не простое путешествие.

– Еще не поздно тянуть соломинки! – воскликнул капитан. – Так точно! И вам не обязательно идти всем троим!

– Мы предпочитаем не разлучаться, – ответил Клаус. – У нас уже есть печальный опыт.

– Да уж, неприятностей у вас всегда хватало! – подтвердил капитан. – Так точно!

– Бодлеры правы, отчим, – вступилась Фиона. – Самое разумное – держаться всем вместе. Нам может пригодиться эрудиция Вайолет в области механики или клаусовское умение разбираться в картах приливов. А размеры Солнышка придутся кстати, если грот совсем сузится.

– Алл, – произнесла Солнышко, что, возможно, означало «Мне вовсе не улыбается плыть одной внутри шлема».

– А ты, Фиона? – спросил капитан. – Так точно! Ты могла бы остаться тут со мной!

– Мои знания тоже могут пригодиться, – тихо ответила Фиона, и Бодлеры вздрогнули и заставили себя не думать о медузообразном мицелии и его ядовитых спорах.

– Так точно! – уступил капитан Уиддершинс и погладил усы пальцем в перчатке. – Хорошо, я сообщу об этом Г. П. В. Так точно! Вы все четверо попадете в список волонтеров,

проявивших храбрость.

Бодлеры переглянулись, насколько это позволили им маленькие окошечки в шлемах. Объявление благодарности за храбрость – не более чем лист бумаги, на котором написано, что вы в том или ином случае проявили отвагу. Но вынесение благодарности, как известно, не слишком помогает при столкновении с опасностью – что под водой, что (как под конец убедятся Бодлеры) высоко в воздухе. Любой может поблагодарить вас за храбрость в письменном виде, да я и сам порой писал себе такую благодарность для поддержания духа посреди чреватого опасностями рискованного путешествия. Трое детей были гораздо больше заинтересованы в благополучном завершении блужданий по гроту Горгоны, чем в письменной похвале. Но они понимали, что капитану Уиддершину просто хочется ободрить их. Он вел их по коридору, пока они не дошли до помещения, где Бодлеры впервые встретились с капитаном «Квиквега».

– Чтобы погрузиться в воду, – начал капитан, – вы должны подняться по трапу и, добравшись до люка, крикнуть. Я приведу в действие клапан, который не пропустит в субмарину воду, когда вы откроете люк. А дальше, как я уже говорил, вы отдаетесь на волю течения и в конце концов окажетесь там, где сахарница.

– И вы так и не скажете нам, чем она так важна? – не удержалась от вопроса Вайолет.

– Важна не сама сахарница, – ответил капитан Уиддер-

шинс, – а ее содержимое. Так точно! Ну вот, теперь я сказал слишком много! Так точно! В этом мире существуют страшные тайны, о которых не годится знать юным существам! Только представьте: если вы знаете всё про сахарницу и вдруг попадаете в лапы Графу Олафа, неизвестно, что он с вами сделает! Так точно!

– Взгляните лучше на хорошую сторону, – посоветовал Фил. – Какие бы противные создания ни водились в том гроте, по крайней мере там вы не встретите Графа Олафа. Его осьминогу туда никаким образом не проникнуть!

– Так точно! – подтвердил капитан. – Но на всякий случай мы будем следить, не появится ли он на экране гидролокатора! И за вами будем следить! Так точно! Все время! Глаз с экрана не будем спускать! Кислородные системы в ваших шлемах издают достаточно шума, так что на экране вы будете выглядеть как четыре крохотных пятнышка! Всё! Вперед! Счастливо!

– Желаем вам всего лучшего! – добавил Фил.

Оба взрослых легонько шлепнули каждого из детей по шлему, и без дальнейших колебаний Бодлеры, а за ними Фиона полезли вверх по трапу к люку, через который недавно попали на борт судна. Четверо волонтеров молчали во время подъема до тех пор, пока Вайолет не протянула руку (другой она держала шлем с Солнышком) и не схватилась за рычаг, открывавший люк.

– Мы готовы! – крикнула она вниз, хотя вовсе не ощущала

ни малейшей готовности.

— Так точно! — послышался голос капитана. — Привожу в действие клапан! Ждите пять секунд и открывайте люк! Так точно! Никаких колебаний! Так точно! Тот, кто колеблется, — пропал! Так точно! Удачного путешествия! Так точно! До свидания!

Раздалось отдаленное бряканье — очевидно, звук приводимого в действие клапана, и четверо детей переждали рекомендованные пять секунд, как и вам захотелось бы переждать несколько секунд, чтобы выветрились из головы подробности всех бодлеровских передраг и не пришлось бы лить слезы в то время, как вы получаете скучные сведения о круговороте воды. Круговорот воды, повторяем, состоит из трех главных процессов — испарения, осаждения и скапливания. Все они в равной степени скучны и поэтому вызывают меньше тревоги, чем происходившее с Бодлерами после того, как Вайолет открыла люк и в проход хлынула ледяная черная вода. Если вы все же прочтете о последовавших моментах, дальше вы уже не сможете спать, а будете плакать в подушку и представлять себе, как дети, совсем одни, медленно плывут по течению, втягивающему их в глубину угрюмого грота. А вот если вы возьметесь читать про круговорот воды, вас неизбежно сморит сон вследствие скучнейшего описания распределения воды на земном шаре. Поэтому из милосердия я продолжу книгу наилучшим для заинтересованных лиц образом.

Итак, круговорот воды в природе состоит из трех явлений – испарения, осаднения и скапливания, и все вместе они составляют то, что называется круговоротом воды. Испарение, первое из явлений, есть процесс превращения воды в пар и в конечном итоге образования облаков, какие мы видим на облачном небе в облачные дни или даже облачные ночи. Облака образуются в результате явления, известного под названием «испарение», – и это первое явление из трех, составляющих круговорот воды. Испарение, первое явление из трех, является процессом, при котором вода превращается в пар и образует в конце концов облака. Облака сразу можно определить по их внешнему виду, как правило в облачные дни или ночи, когда их можно видеть на облачном небе. Процесс, в результате которого формируются облака – когда вода обращается в пар и становится частью структуры, называемой «облака», – получил название «испарение», первое из трех явлений, составляющих водный круговорот, известный еще под названием «круговорот воды»... Ну и к этому времени вы уже наверняка заснете и таким образом будете избавлены от устрашающих подробностей бодлеровского путешествия.

В ту же минуту, как Вайолет открыла люк, проход заполнился водой и детей вынесло из субмарины в черноту грота Горгоны. Бодлеры, разумеется, знали, что «Квиквег» заплыл в подводную пещеру, и все-таки не были готовы к той черноте и холоду, которые их сейчас окружали. Солнечный свет не попадал в грот довольно давно – с тех самых пор,

как «Ануистл Акватикс» находился еще на подъеме, иначе говоря, не был уничтожен при подозрительных обстоятельствах. Казалось, вода, словно черная ледяная рука, обхватила детей холодными пальцами. Как и предсказывал Клаус после изучения карт приливов, течение понесло всех четверых прочь от лодки, но в темноте не понять было, насколько быстро и насколько далеко. В секунды волонтеры потеряли из виду «Квиквег», а потом и друг друга. Будь грот снабжен какой-то системой освещения, как и было в свое время, дети многое бы разглядели. Они бы увидели мозаику, выстилавшую дно грота, — тысячи и тысячи цветных плиток с изображением разных благородных событий из ранней истории одной тайной организации, с портретами знаменитых писателей, ученых, художников, музыкантов, философов и лидеров организации, вдохновлявших ее членов. Они бы увидели огромную заржавевшую помпу, или насос, который за считанные минуты откачивал всю воду из грота или за какие-то минуты опять заполнял его свежей водой. Они бы взглянули вверх и увидели острые углы Генеральных прямых воздухопроводов и других тайных ходов, которые когда-то выводили наверх, прямо к центру морских исследований и к Службе риторических советов, а возможно, они разглядели бы и некую персону, которая, замышляя недоброе, с трудом пробиралась сейчас по одному из проходов, возможно в последний раз, в сторону «Квиквега». Но вместо всего этого дети сквозь маленькие круглые окошечки только и видели что

сплошной мрак. Разумеется, Бодлерам и раньше приходилось иметь дело с мраком тайных проходов и туннелей, заброшенных зданий и пустынных улиц, мраком в глазах злых людей и даже мраком других пещер. Но ни разу еще сиротам не приходилось оказываться в таком мраке неизвестности. Они не знали, где они, и только раз Вайолет на миг ощутила, как ноги ее скользнули по чему-то очень гладкому, словно по плитке, прочно сидящей на твердой земле. Они не знали, куда движутся, к тому же некоторое время спустя у Клауса возникло подозрение, что течение перевернуло его и теперь он плывет вверх ногами. И они не знали, когда придут на место, хотя время от времени Солнышко видела сквозь отверстие в водолажном шлеме крохотное пятнышко света, очень похожее на те крохотные пятнышки, какими они сейчас выглядели, по словам капитана Уиддершинса, на экране гидролокатора.

Бодлеров несло по течению в холодной темной тишине. Они были напуганы, сбиты с толку и чувствовали себя донельзя одинокими. И когда их путешествие внезапно оборвалось, им показалось, будто до этого они пребывали в глубоком-глубоком сне, таком же глубоким и мрачным, как сама пещера, а теперь их выбросило толчком из сна. Сперва в ушах у них раздался звон, как будто на них просыпался мешок битого стекла, но они быстро поняли, что вынырнули на поверхность. Прилив мягким, плавным движением вытолкнул их на что-то похожее на берег, и вот уже трое Бодлеров

ползли вверх по мокрому темному песку.

– Клаус! – окликнула его Вайолет сквозь шлем. – Ты тут? Что случилось?

– Не знаю, – ответил Клаус. Он едва разглядел сестру, которая ползла рядом. – Это не может быть на поверхности моря – мы находимся на очень большой глубине. Солнышко с тобой?

– Да, – отозвалась Солнышко из своего шлема. – Фиона?

– Я здесь, – раздался голос специалистки в области микологии. – Где же мы? Ведь мы не можем быть ниже поверхности моря, когда вокруг нет воды?

– Не могу сказать с уверенностью, – отозвался Клаус, – наверное, так бывает. В конце концов, подводная лодка тоже находится под водой, но внутри ее сухо.

– Разве мы на субмарине? – удивилась Вайолет.

– Не знаю. – Солнышко нахмурила брови в глубине шлема. – Смотрите!

Старшие Бодлеры посмотрели, хотя не сразу сообразили, что имеет в виду Солнышко, поскольку им не видно было, куда показывает младшая сестра. Но через минуту они разглядели два пятнышка света совсем недалеко от них. Они нерешительно поднялись на ноги – все, кроме Солнышка, она оставалась внутри шлема, – и увидели, что свет исходит от вполне обычных источников света – от ламп. Недалеке у стены стояло три светильника на высоких подставках, а на абажуре у каждого виднелось по букве. На первом сто-

яла большая буква «Г», на втором «П». Третья лампа перегорела, и разглядеть букву в полумраке было трудно, но дети и так знали, что на абажуре стоит буква «В».

– Что это за место? – спросила Фиона, но, сделав еще несколько шагов, дети увидели, где они.

Как они и подозревали, течение внутри грота прибило их к песчаному пляжу, но пляжу, ограниченному стенами узкого пространства. Дети стояли наверху песчаного склона и рассматривали небольшое, тускло освещенное помещение. Гладкие, выложенные плитками стены выглядели мокрыми и скользкими, песчаный пол был усыпан разнообразными мелкими предметами, либо сбившимися в кучки, либо полужарывшимися в песок. Глазам детей предстали бутылки (некоторые все еще с пробками и крышечками), неоткупоренные консервные банки, несколько книг с разбухшими от воды страницами, несколько небольших ящичков, по-видимому запертых на замок. Валялся перевернутый роликовый конек. Лежала колода карт, разделенная на две кучки, будто кто-то собирался и не успел их перемешать. Там и сям из песка, точно иглы дикобраза, торчали шариковые ручки. Было множество разных других предметов, которых в полутьме дети не могли опознать.

– Где мы? – в который раз спросила Фиона. – Почему тут нет воды?

Клаус посмотрел вверх, но там уже через несколько метров ничего нельзя было разглядеть.

– Наверное, там есть какой-то проход, – ответил он. – Должно быть, он ведет прямо на остров, а может, сворачивает к берегу.

– «Ануистл Акватикс», – задумчиво проговорила Вайолет. – Должно быть, над нами как раз руины центра.

– Окси?²⁰ – спросила Солнышко, что означало «Значит ли это, что здесь можно дышать без шлемов?»

– Думаю, да, – ответил Клаус и осторожно снял с себя шлем. За что я бы объявил ему благодарность за отвагу. – Да, – подтвердил он. – Дышать можно. Все снимаем шлемы – таким образом произойдет перезарядка кислородной системы.

– Но что это за место? – настойчиво повторила Фиона, снимая шлем. – Зачем кому-то понадобилось устраивать помещение так глубоко?

– Похоже, его покинули, – заметила Вайолет. – Тут полно хлама.

– Но кто-то ведь приходит менять лампочки, – возразил Клаус. – А кроме того, весь этот хлам, скорее всего, принесло сюда с приливом, как и нас.

– И сахарницу, – добавила Солнышко.

– Да, конечно, – отозвалась Фиона, разглядывая предметы, валяющиеся на песке. – Она должна быть где-то здесь.

– Давайте поскорей найдем ее и выберемся отсюда, – сказала Вайолет. – Мне здесь не нравится.

²⁰ От лат. *oxygenium* – кислород.

– Миссия, – проговорила Солнышко, что означало «Как только мы найдем сахарницу, наше задание будет выполнено».

– Не совсем, – сказал Клаус. – После этого нам еще предстоит вернуться на «Квиквег», причем, должен напомнить, против течения. Поиски сахарницы – только полдела.

Все в знак согласия кивнули, разошлись в разные стороны и принялись изучать разбросанные по песку предметы. Сказать «полдела» – это все равно что сказать «полпути». Опасно объявлять преждевременно о том, что полдела сделано, когда наиболее трудная часть дела, возможно, подстерегает за углом. Скажем, вы полагаете, что уметь вскипятить воду – уже полдела, а оказывается, сварить после этого яйцо всмятку – вещь потруднее, чем вы предполагали. Скажем, вы полагаете, что подняться на гору – уже полдела. Но наверху обнаруживается, что на вершине обитают горные козлы – злобные животные с мощным вооружением. Вы, скажем, предполагаете, что спасти похищенного ихнолога – уже полдела, но оказывается, сварить яйцо всмятку – задача похитрее, чем вы думали, а все дело целиком во много раз сложнее и опаснее, чем вы способны вообразить. Бодлеры и их подруга-миколог думали, что найди они сахарницу – и полдела сделано, но, к сожалению, они ошибались, и счастье ваше, что вы заснули, пока я описывал круговорот воды в природе, и не узнаете про вторую половину дела и про кошмарный яд, с которым детям придется иметь дело вскоре после копания

в песке.

– Я нашла коробку с резиновыми бинтами, – объявила через какое-то время Вайолет. – И еще круглую дверную ручку, две матрасные пружины, неполную бутылку уксуса и нож для чистки овощей и фруктов. Но сахарницы не вижу.

– А я нашел сережку, ломаную дощечку с зажимом для бумаги, книжку стихов, половину сшивателя для бумаг и три палочки для помешивания напитков, – сказал Клаус. – Но сахарницы нет.

– Три суп консервы, – произнесла Солнышко, – арахис масло, крекер коробка, песто²¹, васаби²², ло мейн²³. Но нада-сюкр²⁴.

– Да, труднее, чем я думал, – признался Клаус. – А что ты нашла, Фиона?

²¹ *Песто* – итальянский соус.

²² *Васаби* – японская острая приправа.

²³ *Ло мейн* – китайская длинная лапша с мясом или овощами.

²⁴ От фр. *sucré* – сахарница.

Фиона не отозвалась.

– Фиона! – снова окликнул Клаус, и все Бодлеры обернулись и посмотрели на нее. Однако она смотрела не на Бодлеров. Взгляд ее был устремлен куда-то мимо, и глаза ее за треугольными очками расширились от страха. – Фиона! – В голосе Клауса прозвучала тревога. – Что ты такое нашла?

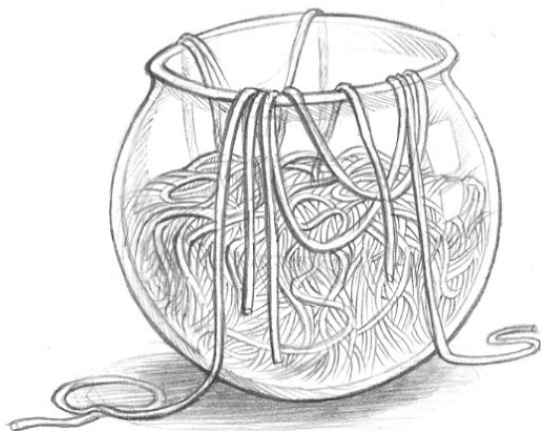
Фиона сглотнула и показала пальцем на песчаный берег.

– Мицелий, – еле слышно прошептала она, и Бодлеры, то-

же взглянув в сторону воды, поняли, что она имеет в виду.

Из песка быстро и бесшумно прорастали стебли и шапочки медузообразного мицелия – гриба, который Фиона описывала Бодлерам еще на «Квиквеге». Невидимым нитям мицелия, соответственно описанию в книге, полагалось прибывать и убывать, и, как раз когда дети оказались в этой странной пещере, нити прятались под землей. Но сейчас пришло время прибывать, и грибы начали прорасти вдоль всего берега и даже вдоль гладких, выложенных плиткой стен. Сперва показалась горстка ростков – темно-серого цвета с черными пятнышками на шапочках, как будто их обрызгали чернилами. Но дальше – больше: безмолвная смертоносная толпа высыпала на берег и словно смотрела на детей неподвижным взглядом. Грибы пока что отважились взобраться только до середины склона и, казалось, не собирались одолевать детей – пока, во всяком случае. Однако, по мере того как мицелий прибывал, весь берег покрывался зловещими грибами, и Бодлерам в ожидании убывания оставалось лишь, сбившись в кучку, в свою очередь уставиться с ужасом на ядовитое скопище грибов. Толпы их все прибывали и заполняли берег, громоздились друг на друга и как будто расталкивали друг друга, чтобы хорошенько рассмотреть перепуганных детей. Поиски сахарницы, может, и составляли полдела, но сейчас, когда бодлеровские сироты попали в ловушку, другая половина дела внушала гораздо, гораздо бóльшую тревогу.

Глава седьмая

Слово «вшивый», как и слова «волонтер», «пожар», «департамент» и многие другие, имеющиеся в словарях и прочих важных документах, повторяю, слово «вшивый» имеет целый ряд значений. Чаще всего это слово употребляется в значении «плохой, паршивый», и именно в этом смысле оно определяло многое в истории жизни бодлеровских сирот, начиная от зловещих запахов Паршивой тропы, по которой когда-то брели дети, и до паршивого путешествия вверх-вниз по Мертвым горам в поисках штаб-квартиры Г. П. В. Существует также медицинское значение слова «вшивый»,

а именно «кишащий вшами». В этом смысле слово это ни разу не появлялось в моем исследовании, хотя не исключено, что ввиду усиливающейся нечистоплотности Графа Олафа еще представится случай употребить его. «Кишащий» в свою очередь означает «битком набитый». Например, Граф Олаф был битком набит коварными замыслами. «Квиквег» был битком набит металлическими трубками. А можно и так: весь мир кишит непостижимыми тайнами. Именно об этом значении слова и размышляли бодлеровские сироты, когда, прижавшись друг к другу под таинственными светильниками в гроте Горгоны, они вместе с Фионой наблюдали за прорастающими из песка грибами. По мере того как их становилось все больше и место буквально кишело медузообразным мицелием, дети вспоминали, чем еще за свою жизнь они бывали снабжены в изобилии. Жизнь их изобиловала тайнами, начиная с тайны букв «Г. П. В.» и кончая тайной, касающейся их будущего, и каждая тайна громоздилась одна на другую, точно стебли и шапочки ядовитых грибов. Их жизнь изобиловала опасностями, начиная с тех, с которыми дети столкнулись высоко в горах и глубоко под домами, и кончая опасностями, с которыми они сталкивались в самом городе и за его пределами, в Пустошах. Опасности исходили как от злобных негодяев, так и от добрых людей, которые плохо разбирались в ситуации. Жизнь их кишмя кишела всем что ни есть паршивым – от гнусных личностей до отвратительной еды, от устрашающих мест до ужасающих об-

стоятельств, от ужасных неудобств до неудобных ужасов, и казалось, жизнь их всегда будет изобиловать чем-то паршивым – паршивыми днями и паршивыми ночами, даже если все паршивое, изобилующее в их жизни, сделается по ходу сменяющих друг друга паршивых, изобилующих паршивостью мгновений менее паршивым, менее изобилующим всем паршивым. Но пока что с каждым новым паршивым грибом пещера все больше и больше изобиловала паршивостью, так что все это сделалось почти невыносимым для бодлеровских сирот.

– Паршиво, – выпалила Солнышко.

– Да, новость не из приятных, – согласился Клаус. – Фиона, как ты думаешь, мы уже отравились?

– Нет, – уверенно ответила Фиона. – Спорам до нас не достать. Пока мы находимся в самом дальнем конце пещеры и пока грибы не продвинулись дальше, мы в безопасности.

– Кажется, они перестали приближаться. – Вайолет показала на ряды пятнистых шапочек, и остальные волонтеры убедились, что она права. Кое-где еще выскакивали отдельные грибы, но они перестали надвигаться на детей.

– Наверное, мицелий дальше не вырос, – проговорила Фиона. – Нам очень повезло.

– А я как-то не ощущаю, что нам повезло, – заметил Клаус. – Я ощущаю себя в ловушке. Как мы отсюда выберемся?

– Способ у нас один, – ответила Вайолет. – Единственный

путь назад, к «Квиквегу», идет через грибы.

– Но если мы будем продираться через грибы, – возразила Фиона, – мы, скорее всего, будем отравлены. Споре ничего не стоит проскользнуть в водолазный костюм.

– Противояд? – спросила Солнышко.

– Да, я могла бы отыскать в моей микологической библиотеке какое-нибудь лечебное средство, – отозвалась Фиона. – Но лучше не рисковать. Надо попытаться выйти другим путем.

С минуту все четверо вглядывались в черноту у себя над головой. Вайолет нахмурилась и приложила руку к влажным и скользким плиткам на стене. Другую руку она сунула в водонепроницаемый карман водолажного костюма и вытащила ленту, чтобы завязать волосы.

– Сможем ли мы выйти через этот ход? – усомнился Клаус. – Удастся тебе изобрести что-то такое, что бы помогло нам выбраться?

– Штуковина, – проговорила Солнышко, имея в виду «Тут в песке полно материалов».

– Не в материалах дело, – отозвалась Вайолет и вгляделась вверх, в темноту. – Мы сейчас под водой, на большой глубине. До поверхности, возможно, мили и мили. Любое самое лучшее альпинистское снаряжение за столь долгий путь износится. И тогда мы грохнемся вниз с большой высоты.

– Но кто-то ведь пользуется этим ходом, – настаивал Клаус. – Иначе зачем было его строить.

– Все это не важно, – отрезала Фиона. – Мы все равно не полезем наверх. Нам надо вернуться на «Квиквег», а то отчим будет волноваться, куда мы подевались. И в конце концов наденет водолазный шлем и отправится выяснять...

– И прилив принесет его прямо в ядовитые заросли, – закончил Клаус. – Фиона права. Даже если бы нам удалось взобраться наверх, мы выбрали бы неправильный путь.

– Но что мы еще можем придумать? – Вайолет нервно возвысила голос. – Не проводить же здесь всю оставшуюся жизнь!

Фиона поглядела на грибы и вздохнула:

– В «Микологических миниатюрах» говорится, что здешний мицелий прибывает и убывает. Сейчас он прибывает. Придется подождать, когда он снова начнет убывать, и тогда мы быстро пробежим по песку и поплывем к субмарине.

– А через какое время они начнут убывать? – осведомился Клаус.

– Неизвестно, – призналась Фиона. – Может быть, через несколько минут, а может быть, через несколько часов. И даже через несколько дней.

– Несколько дней?! – повторила Вайолет. – Через несколько дней твой отчим перестанет нас ждать! Через несколько дней мы пропустим собрание Г. П. В.! Невозможно ждать несколько дней!

– Это наш единственный выбор. – Клаус положил руку на плечо Вайолет, чтобы ее успокоить. – Или мы ждем, пока

грибы не исчезнут, или отравимся спорами.

– Тогда это никакой не выбор, – с горечью возразила Вайолет.

– Это выбор Хобсона, – сказал Клаус. – Помнишь?

Старшая сестра посмотрела на брата и слабо улыбнулась.

– Конечно помню.

– Мамасан, – добавила Солнышко. Старшие поглядели на нее, и Вайолет взяла ее на руки.

– Кто такой Хобсон? – спросила Фиона. – Какой у него был выбор?

Клаус улыбнулся:

– Томас Хобсон жил в Британии в семнадцатом веке. Он держал конюшню и, согласно легенде, всегда говорил покупателям: «Либо берите лошадь, ближнюю к двери, либо никакой не получите».

– Это же никакой не выбор, – удивилась Фиона.

Вайолет улыбнулась:

– Вот именно. Выбор Хобсона означает, что на самом деле выбора нет. Это выражение любила употреблять наша мама. Она говорила: «Вайолет, я предлагаю тебе хобсоновский выбор – или ты прибираешь свою комнату, или я буду стоять в дверях и распевать твою самую нелюбимую песню».

Фиона усмехнулась:

– А какая у тебя самая нелюбимая песня?

– «Плывет, плывет твоя лодка», – ответила Вайолет. – Ненавижу то место, где говорится, что жизнь лишь сон.

– А мне мама предлагала на выбор – или мыть посуду, или читать стихи Эдгара Геста²⁵, – присоединился Клаус. – Он мой самый-пресамый нелюбимый поэт.

– Ванна или розовое платье, – проговорила Солнышко.

– Ваша мама всегда шутила в таких случаях? – спросила Фиона. – Моя так жутко злилась, когда я не убирала свою комнату.

– Наша мама тоже могла разозлиться, – сказал Клаус. – Помнишь, Вайолет, мы оставили открытым окно в библиотеке, а ночью пошел дождь?

– Да, она тогда прямо разбушевалась. – Вайолет употребила слово, означающее здесь «страшно рассердилась». – Из-за нас испортился атлас, и мама сказала, что он незаменим.

– Слышала бы ты, как она раскричалась, – подхватил Клаус. – Отец даже спустился из кабинета вниз – узнать, в чем дело.

– И тогда он тоже начал на нас кричать, – продолжала Вайолет, и тут вдруг Бодлеры замолчали и с сомнением поглядели друг на друга.

Все люди, разумеется, время от времени на кого-нибудь кричат, но детям было как-то неприятно представлять себе, как родители кричат на них, тем более сейчас, когда родителей тут не было и они не могли извиниться или объяснить свое поведение. Зачастую бывает трудно признать, что тот,

²⁵ Эдгар Гест – американский поэт и журналист первой половины XIX века, писал про повседневную жизнь.

кого вы любите, далек от совершенства, или вспоминать стороны его характера, которые отнюдь нельзя назвать похвальными. Бодлеры словно провели некую черту в своей памяти после смерти родителей, некую тайную границу, отделив все достойное восхищения в них от не столь уж достойного восхищения. Со времени пожара, вспоминая о родителях, Бодлеры никогда не переступали этой тайной границы. Они предпочитали вспоминать о лучших моментах в жизни семьи, а не о тех, когда у них бывали взаимные несогласия и кто-то бывал несправедлив или эгоистичен. Но сейчас, во мраке грота Горгоны, дети вдруг переступили эту черту и вспомнили о том хмуром дне в библиотеке. Вспомнились им и другие хмурые дни и вечера, и под конец головы у них кишели воспоминаниями всех сортов, что в данном случае означает «и хороших и плохих». Оттого что они перешли границу и признали, что с родителями порой бывало нелегко, у них возникло неприятное, муторное ощущение, и оно еще усилилось от сознания, что им уже не вернуться назад, не притвориться, будто они не помнят об этих далеких от совершенства моментах, равно как не вернуться назад во времени и не оказаться снова в безопасности, в бодлеровском доме, до пожара и до того, как в их жизнь вошел Граф Олаф.

– Мой брат тоже часто злился, – сказала Фиона. – До того как он исчез, у них с отчимом происходили страшные перепалки поздними вечерами, когда они считали, что я сплю.

– А твой отчим об этом не упоминал, – заметила Вайо-

лет. – Он говорил, что твой брат обаятельный молодой человек.

– Может быть, ему помнятся только его светлые стороны, – предположила Фиона. – Может быть, он предпочитает забыть о темных сторонах.

– Как ты думаешь, твой отчим знал об этом месте? – Клаус обвел взглядом жутковатую пещеру. – Помнишь, он упоминал, что, возможно, нам где-то и удастся снять водолазные шлемы? Тогда мне это показалось странным.

– Не знаю, – отозвалась Фиона. – Быть может, это еще одна из его тайн.

– Как и сахарница, – добавила Вайолет.

– Кстати, – напомнила Солнышко.

– Солнышко права, – сказал Клаус. – Давайте опять искать сахарницу.

– Да, она где-то здесь, – спохватилась Фиона. – К тому же так мы используем время до убывания грибов. Расходимся по пещере в разные стороны, и если кто-то найдет сахарницу – кричите.

Бодлеры кивнули, и все четверо волонтеров заняли позиции подальше друг от друга, стараясь при этом не приближаться к медузообразному мицелию. Следующие несколько часов они копались в песчаном полу грота и рассматривали находки при свете двух ламп. Каждый слой песка содержал множество небезынтересных предметов, но ни один из них не исторг у детей крика радости. Вайолет нашла масленку,

кусоч электрического провода и странного вида квадратный камень с надписями, высеченными на трех языках, но не нашла того, что искала, и поэтому хранила молчание. Клаус нашел коробочку с зубочистками, куклу, надеваемую на руку, и кольцо из тусклого металла, но не нашел того, за чем пришел сюда, поэтому только вздыхал. А Солнышко нашла две матерчатые салфетки, сломанную телефонную трубку и фигурный бокал для вина, весь в дырочках, но когда она открыла рот, то из него раздалось лишь «съесть!», что в данном случае означало «Не пора ли нам сделать перерыв и перекусить?». И она тут же ловко вскрыла найденные ею пачку крекеров и банку арахисового масла.

– Спасибо, Солнышко. – Фиона взяла у нее крекер, намазанный маслом. – Должна сказать, Бодлеры, я разочарована. У меня уже руки заболели от бесконечного копания, но сахарницы и в помине нет.

– Я начинаю думать, что нас оставили в дураках, – проговорила Вайолет, имея в виду, что им дано бессмысленное поручение. – Мы проделали такое длинное и опасное путешествие, чтобы найти крайне важную вещь, а вместо того нашли только хлам. Пустая трата времени.

– А вот и нет, – возразил Клаус. Он поедал крекер и одновременно рассматривал найденные предметы. – Может, мы и не нашли сахарницы, зато, по-моему, нашли крайне важную информацию.

– О чем ты? – спросила Вайолет.

– Поглядите. – И Клаус показал им книгу, поднятую с песка. – Это сборник стихов, книга промокла, и прочесть почти ничего нельзя. Но взгляните-ка на титульный лист.

Средний Бодлер раскрыл книгу, и волонтеры заглянули в нее. – «Гадальный поэтический выявитель», – вслух прочла Вайолет.

– Г. П. В. – пробормотала Солнышко.

– Да, – подтвердил Клаус. – Видимо, с помощью стихов разгадывались какие-то тайны. Я думаю, Г. П. В. хранили здесь не только сахарницу, но и какие-то другие секреты.

– Что ж, вполне возможно, – заметила Вайолет. – Эта пещера напоминает тайный ход – вроде тех, какие мы обнаружили под нашим домом или какой Куигли нашел под своим.

Фиона кивнула и начала перебирать предметы, выкопанные из песка.

– Я уже довольно давно нашла конверт, – сказала она, – но еще не заглянула в него. Я целиком сосредоточилась на сахарнице.

– «Пунктилио», – произнесла Солнышко, поднимая сверху рваный и мятый обрывок газеты.

Дети разглядели обведенные кружком крупные буквы «Г. П. В».

– Я так устала копать, больше не могу, – сказала Вайолет. – Давайте немножко почитаем. Клаус, посмотри книжку стихов. Фиона, проверь, нет ли чего-нибудь стоящего в конверте. А я прочту Солнышкину вырезку из газеты.

– Я? – задала вопрос Солнышко, чье умение читать находилось пока в начальной стадии.

– А ты приготовь нам что-нибудь поесть, – предложил, улыбаясь, Клаус. – Твои крекеры только раздражили мой аппетит.

– Легко, – отозвалась младшая Бодлер, разглядывая продукты, обнаруженные ею в песке. Бóльшая их часть была наглухо запакована.

Фраза «раздражили мой аппетит», как вы, вероятно, знаете, равнозначна фразе «у меня пробудился аппетит» и обычно относится к еде. Бодлеры, роясь в песке по всему гроту, потеряли счет времени. Они только теперь, при виде Солнышкиных приготовлений, осознали, как давно не ели по-настоящему. Однако у Бодлеров пробудился и аппетит иного рода – аппетит к раскрытию тайн и к получению информации, которая бы им помогла. Пока Солнышко возилась с продуктами, собираясь покормить своих братьев-волонтеров, Вайолет с Клаусом просматривали найденные материалы, поглощая подряд все сведения, казавшиеся им важными, а Фиона, прислонившись к выложенной плитками стене пещеры, проделывала то же с содержимым конверта. Их жажда информации почти не уступала жажде пищи, и после продолжительного изучения добытых материалов, записывания, сбивания и смешивания все четверо уже не в состоянии были различить, чего они больше жаждут – услышать о сделанных открытиях или съесть то, что приго-

товила Солнышко.

– Что это? – спросила Вайолет сестру, вглядываясь в содержимое аквариума, в котором Солнышко подала еду.

– Песто ло мейн, – объяснила Солнышко.

– Сестра хочет сказать, – вмешался Клаус, – что она нашла пакет китайской вермишели и залила ее итальянским соусом из базилика, который взяла из банки.

– Можно сказать, интернациональная комбинация, – заметила Фиона.

– Хобсон, – проговорила Солнышко, желая сказать «наши условия не дали мне выбора», и она подняла кверху еще один найденный ею предмет. – Васаби?

– Что такое «васаби»? – спросила Вайолет.

– Японская приправа, – объяснил Клаус. – Очень острая, ее часто подают к рыбе.

– Не лучше ли приберечь васаби на будущее, Солнышко? – Вайолет взяла у нее баночку и положила в карман своего водолазного костюма. – Отнесем ее на «Квиквег», и ты будешь использовать соус в блюдах из морепродуктов.

Солнышко кивнула в знак согласия и протянула аквариум брату и сестре.

– Инструменты, – произнесла она.

– Мы можем использовать палочки для размешивания напитков вместо палочек для еды, – предложил Клаус. – Будем есть по очереди, а те, кто ждет, будут рассказывать по очереди о своих открытиях. Возьми, Фиона, начинай первая.

– Спасибо, – поблагодарила Фиона, беря палочки. – Я очень хочу есть. Ты что-нибудь узнал из книги стихов?

– Не столько, сколько хотелось бы, – отозвался Клаус. – Бóльшая часть страниц пропитана водой, так что прочесть удалось не много. Но кажется, я узнал новый код: головоломный подменный вариант. Это способ сообщаться, подменяя слова в стихах.

– Не понимаю, – призналась Вайолет.

– Да, довольно замысловато. – Клаус раскрыл записную книжку, куда переписал информацию. – В качестве примера в книге используется поэма Роберта Браунинга «Моя последняя герцогиня».

– Я читала. – Фиона накрутила на палочку несколько вермишелин и поднесла ко рту. – Довольно жуткая история про человека, который убивает свою жену.

– Правильно, – отозвался Клаус. – Но если волонтеру понадобится употребить название поэмы в зашифрованном сообщении, то оно может звучать, скажем, как «Моя последняя жена» поэта Оберта Браунинга, а не Роберта.

– А зачем это делается? – спросила Вайолет.

– Волонтер, прочитавший эти слова, заметит ошибку. Изменение определенных слов или букв и есть подмена. Если установить все подмены в поэме, вы получите присланное вам сообщение.

– Герцогиня Р.? – проговорила Фиона. – В чем же состоит сообщение?

– Не знаю, – признался Клаус. – Следующая страница в книге отсутствует.

– Думаешь, отсутствующая страница тоже представляет собой код? – спросила Вайолет.

– Не знаю. – Клаус пожал плечами. – Шифры ведь просто способ говорить так, чтобы одни люди тебя поняли, а другие – нет. Помнишь, мы разговаривали в пещере с Куигли и нас слушали все Снежные скауты?

– Помню, – ответила Вайолет. – Мы тогда употребляли слова, начинающиеся с «Г», «П» и «В» и таким образом поняли, что мы с Куигли в одном лагере.

– Может быть, и нам завести свой код? – предложила Фиона. – Чтобы сообщаться между собой, если попадем в беду.

– Отличная идея, – одобрил Клаус. – И какое слово мы возьмем за кодовое?

– Еда, – выпалила Солнышко.

– Превосходно, – отозвалась Вайолет.

– Мы составим список всякой еды и пометим, чему соответствует каждое слово по нашему коду. Мы будем то и дело употреблять их в разговоре, и наши враги даже не заподозрят, что на самом деле мы тайно сообщаемся между собой.

– А враги могут подстерегать нас на каждом шагу. – Фиона передала аквариум Вайолет и взяла в руки найденный конверт. – Тут внутри письмо. Как правило, я не читаю чужих писем, но в данном случае письмо это вряд ли попадет когда-нибудь в руки Грегора Ануистла.

– Грегор Ануистл? – переспросила Вайолет. – Тот, который основал исследовательский центр? А кто ему пишет?

– Женщина по имени Кит. Думаю, это Кит Сникет, сестра Жака.

– Да, конечно, – отозвался Клаус. – Твой отчим говорил, что это была благородная женщина, она помогала строить «Квиквег».

– Судя по ее письму, – продолжала Фиона, – Грегор Ануистл участвовал в каком-то расколе. Что это значит?

– Это был крупный конфликт внутри Г. П. В., – ответил Клаус. – Куигли нам кое-что рассказывал.

– Да, каждый встал на одну из сторон, – вспомнила Вайолет, – и теперь организация находится в состоянии хаоса. На чьей стороне был Грегор?

– Не знаю. – Фиона нахмурилась. – Часть письма зашифрована, а часть промокла. Я не все поняла, но впечатление такое, что Грегор занимался так называемым грибным переменчивым внедрением.

– «Грибное» – это понятно, – сказал Клаус. – «Переменчивое» значит «ненадежное», а «внедрение» значит «насаждение». Кто же и куда внедрял грибы?

– Г. П. В., – ответила Фиона. – В период раскола Грегор считал, что медузообразный мицелий может пригодиться.

– Медузообразный мицелий? – Вайолет нервно взглянула на ряды безмолвных серых грибов, которые преградили им путь наружу. В тусклом освещении черные пятна на их ша-

почках выглядели особенно зловещими. – Как можно считать такие смертельно опасные грибы полезными? Представить себе не могу.

– Послушайте, что пишет Кит, – сказала Фиона. – «Разведение, как ты настаиваешь, ядовитых грибов в гроте всем нам грозит большими неприятностями. Наша фабрика на Паршивой тропе может обеспечить некоторое ослабление губительного воздействия мицелия на дыхательную систему. Ты уверяешь меня, что мицелий хорошо растет только в небольшом замкнутом пространстве, но это слабое утешение. Одна ошибка, Грегор, и твой центр придется покинуть. Прошу тебя, не уподобляйся нашим злейшим врагам, не прибегай к их разрушительной тактике – не играй с огнем. Ты сам страшился этого».

Клаус принялся деловито записывать письмо Кит Сникет в записную книжку.

– Значит, Грегор выращивал эти грибы, – сказал он, – чтобы использовать их против врагов Г. П. В.

– Он собирался отравлять людей?! – ужаснулась Вайолет.

– Преступных людей, – поправила Фиона. – Но Кит Сникет считала преступным использование ядовитых грибов даже против них. Фабрика на Паршивой тропе как раз разрабатывала способ ослабить действие яда. Но автор письма все равно считала грибное переменчивое внедрение чересчур опасной затеей. Она предупреждала Грегора: если он не остережется, мицелий отравит весь исследовательский

центр.

– И теперь центра нет, – заключила Вайолет, – а мицелий остался. Как раз здесь, где мы сидим, что-то пошло не так.

– Все равно мне не совсем понятно, – сказал Клаус. – Греггор был негодяем?

– Думаю, он был переменчивым, – ответила Фиона, – вроде медузообразного мицелия. Ведь автор этого письма предупреждает: если ты разводишь что-то переменчивое, ты играешь с огнем.

Вайолет поежилась. Она бросила есть песто ло мейн и отставила в сторону аквариум. Выражение «играть с огнем» относится к любому опасному и рискованному роду деятельности, каким является, например, написание письма к переменчивому лицу или блуждание по темной пещере, полной ядовитых грибов, с целью найти давным-давно исчезнувший предмет. Бодлерам совсем не хотелось иметь дело с огнем, с которым они сейчас играли, или с огнями, с которыми играли до них другие в этом сыром загадочном помещении. Какое-то время все молчали. Бодлеры не спускали глаз со стеблей и шапочек ядовитых грибов и размышляли о том, что же случилось с центром «Ануистл Акватикс». Они размышляли о том, с чего начался раскол. Они размышляли обо всем таинственном и злодейском, окружавшем их и надвигавшемся все ближе и ближе, по мере того как их горестная жизнь шла дальше и дальше. И еще они думали о том, будут ли раскрыты когда-нибудь эти тайны и побеждены злодеи.

– Убывать, – произнесла вдруг Солнышко, и остальные увидели, что так оно и есть. Толпа грибов чуть-чуть поредела: то один, то другой стебель или шапочка втягивались в песок, словно ядовитые грибы решили применить альтернативную стратегию, иначе говоря, терроризировать Бодлеровым способом.

– Солнышко права, – с облегчением произнес Клаус. – Медузообразный мицелий убывает. Скоро мы сможем с относительной безопасностью вернуться на «Квиквег».

– Цикл увядания будет, вероятно, довольно коротким, – предупредила Фиона, помечая что-то в своей записной книжке. – Сколько, по-вашему, времени мы здесь провели?

– По крайней мере, всю ночь. – Вайолет развернула найденную Солнышком газету. – Хорошо, что мы нашли все эти материалы, а то бы умерли со скуки.

– У моего брата всегда была с собой колода карт, – вспомнила Фиона. – На всякий случай, чтобы не скучать в скучной ситуации. Он придумал карточную игру под названием «Причуда Фернальда», и мы обычно играли в нее, когда нам приходилось долго ждать.

– Фернальд? – переспросила Вайолет. – Так звали твоего брата?

– Да, а что?

– Просто хотела знать. – Вайолет торопливо засунула газету в карман водолазного костюма. Там еле хватало места из-за баночки васоби.

– А ты не собираешься нам рассказать, о чем там напечатано? – спросил Клаус. – Я заметил в заголовке буквы «Г. П. В.».

– Дальше ничего не разобрать, – ответила Вайолет. – Печать совсем расплылась.

– Хммм, – пробормотала Солнышко и бросила на сестру лукавый взгляд.

Младшая Бодлер знала Вайолет с рождения и отлично понимала, когда та говорит неправду. Вайолет взглянула на Солнышко, потом на Клауса и еле заметно качнула головой.

– Не пора ли собираться в обратный путь? – сказала она. – К тому времени, как мы соберем документы и наденем водолазные шлемы, грибы как раз окончательно убудут.

– Это верно, – согласилась Фиона. – Давай, Солнышко, я помогу тебе забраться в шлем. Это самое большее, что я сейчас могу для тебя сделать в благодарность за вкуснейшее блюдо.

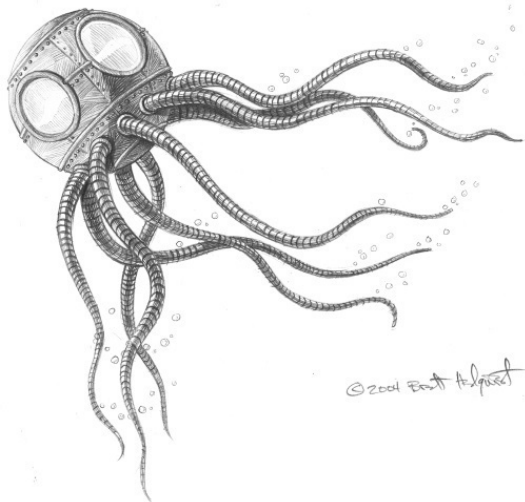
– Благовос, – отозвалась Солнышко, что означало «Ты очень любезна».

И хотя Фиона познакомилась с Солнышком совсем недавно, она более или менее поняла, что сказала самая младшая из Бодлеров, и улыбнулась всем троим. Пока волонтеры облачались в форму, то есть готовили шлемы к подводному путешествию, сестрам и брату казалось, что Фиона подходит им как перчатка, – она была их другом и даже больше чем другом. Они с Фионой были членами одной команды,

одной и той же организации и вместе старались раскрыть одни и те же тайны и победить одних и тех же злодеев. Во всяком случае, так казалось двум младшим Бодлерам. И только Вайолет догадывалась, что дружба их носит переменчивый характер и Фиона подходит ей как перчатка не на ту руку, что у их дружбы есть крошечный изъян, который может привести к расколу. Надев шлем, Вайолет проверила, до конца ли застегнута молния на водолазном костюме, пересекающая портрет Германа Мелвилла. При этом она услышала тихое шуршание газеты в кармане и нахмурилась. Она продолжала хмуриться и тогда, когда последние грибы исчезли в песке и все четверо детей опять осторожно ступили в темную ледяную воду. Теперь они плыли против течения и поэтому решили взяться за руки, чтобы не потерять друг друга по пути к «Квиквегу». И пока длилось их путешествие во мраке, Вайолет думала об опасной, тревожащей ее тайне, скрытой у нее в кармане. Она сознавала, что даже в ледяных глубинах океана, плывя, взявшись за руки, к субмарине (Клаус – впереди, Фиона – держась за его руку, Вайолет – за руку Фионы, а Солнышко, свернувшаяся клубочком в своем шлеме, – под мышкой у Вайолет), даже сейчас Бодлеры играли с огнем. Зловещая информация в газетной вырезке была как бы крохотной спорой, разрастающейся в тесном пространстве – в кармане у Вайолет, такой же, как спора ядовитого медузообразного мицелия, разраставшаяся в этот момент в закрытом пространстве водолазного шлема на одном из бодлеровских

сирот.

Глава восьмая

Круговорот воды в природе состоит из трех явлений: испарения, осаднения и скапливания, и вместе они составляют то, что в совокупности известно под названием «круговорот воды». Второе из этих явлений, а именно осаднение, есть процесс, в результате которого пар превращается в воду и выпадает в виде дождя, что вам, вероятно, доводилось наблюдать во время ливня, а также выходя на улицу в дождливое утро, день, вечер или даже ночь. Падающая сверху вода и называется дождем, который является результатом оса-

ждения – одного из трех явлений, составляющих круговорот воды. Из этих трех явлений осаждение считается вторым, в особенности если в списке перечисленных явлений осаждение помещено средним, или вторым, по списку. «Осаждение» не что иное, как термин, которым обозначают превращение пара в воду, выпадающую затем в виде дождя, а с этим вы можете столкнуться, если выйдете на улицу во время ливня. Дождь представляет собой воду, которая сперва была паром, но в процессе осаждения – одного из трех явлений в круговороте... ну а к настоящему моменту мое нудное описание, вероятно, уже усыпило вас, и вы, таким образом, сможете избежать страшных подробностей обратного пути Вайолет, Клауса и Солнышка через грот Горгоны в сторону «Квиквега».

Бодлеровские сироты поняли, что на лодке случилось что-то плохое, как только доплыли до субмарины, постучались в металлический люк и не услышали отклика капитана. Их обратное путешествие через пещеру совершалось в холоде и мраке, к тому же теперь они двигались против, а не по течению. Клаус, плывший первым, повел перед собой рукой из стороны в сторону, боясь пропустить «Квиквег» или налететь на что-нибудь жуткое, таящееся в пещере. Фиона дрожала всю дорогу, и Вайолет, державшая ее за руку, ощущала, как нервно шевелятся пальцы подружки. Солнышко внутри своего водолазного шлема старалась не паниковать, когда он подпрыгивал в темноте, следуя за движениями сестры и

брата. Ни малейшего света не проникало к ней в крошечное круглое окошечко, но, как и старшие Бодлеры, она настроилась на благополучное завершение путешествия, и надежда на возвращение на «Квиквег» светила ей, как крохотный огонек во мраке грота. Скоро, мечтали Бодлеры, они услышат гулкое «Так точно!» капитана Уиддершинса в награду за выполнение задания. Быть может, Фил приготовил для них что-нибудь горячее и вкусное, хоть и без помощи Солнышка. А возможно, по телеграфному устройству пришла новая глубоководная почтовая весть, которая поможет найти сахарницу, чтобы их путешествие не осталось бессмысленным. Но когда Клаус привел их к люку, они не обнаружили никаких признаков того, что их ждут.

Постучав несколько минут, обеспокоенные, они открыли люк сами, что в темноте оказалось весьма затруднительным делом, быстро закрыли его за собой и начали спускаться по трапу. Они забеспокоились еще больше, когда никто не привел в действие клапан, так что немало воды натекло в то помещение, где Бодлеры впервые встретились с капитаном Уиддершинсом. Они напрягали слух, надеясь, что вот-вот раздастся окрик капитана: «Так точно! Ну и лужа!» или «Так точно! Клапан поврежден!» – или хотя бы что-то оптимистическое из уст Фила типа: «Смотрите на хорошую сторону – это же настоящее болото!»

– Капитан Уиддершинс! – позвала Вайолет. Голос ее в шлеме звучал глухо.

– Отчим! – окликнула Фиона тоже глухо звучащим из шлема голосом.

– Фил! – позвал Клаус.

– Команда! – пискнула Солнышко.

Никто не отозвался, никто не сделал им замечания по поводу натекающей из люка воды, и в коридоре их тоже никто не встретил.

– Отчим! – еще раз окликнула Фиона, но в ответ они услышали только плескание лужи на полу.

Не снимая шлемов, все четверо зашлепали дальше, мимо таблички с выгравированной личной философией капитана, и, не останавливаясь, дошли до кают-компании. Она оставалась, разумеется, такой же огромной, как раньше, и так же полной непонятных трубок, приборных щитков и предупреждающих надписей, но почему-то выглядела более прибранной, а возле деревянного стола, где команда наслаждалась Солнышкиным рагу и обсуждала путешествие по гроту Горгоны, появилось кое-какое украшение: к трем стульям было привязано по голубому воздушному шарiku и на каждом шарике красовалось по яркой черной букве. На одном стояло «Г», на другом – «П», и только безнадежный тупица удивился бы, услышав, что на третьем шарике стояло «В».

– Г. П. В., – сказала Вайолет. – Как вы думаете – это код?

– В данную минуту меня не интересуют коды. – Голос Фионы прозвучал внутри шлема слабо и напряженно. – Я хочу найти членов команды. Ищите все.

Бодлеры осмотрелись вокруг, но кают-компания выглядела такой же пустой и безлюдной, как грот. Без внушительного присутствия капитана Уиддершинса (имеются в виду крупные размеры в сочетании с неумной энергией и зычным голосом) кают-компания выглядела абсолютно заброшенной.

– Может, они в камбузе, – предположил Клаус, но, судя по неуверенному тону, он и сам в это не верил. – А может, спят в кубрике.

– Не может этого быть, – возразила Вайолет. – Они обещали все время следить за нами.

Фиона сделала шаг к двери в камбуз, но тут же остановилась и посмотрела на стол.

– Нету их шлемов, – сказала она. – Фил и отчим держали их обычно на столе на случай тревоги. – Она провела рукой по столу, как будто думала, что шлемы от этого появятся. – Фила и отчима нет. Они покинули «Квиквег».

– Я не могу в это поверить. – Клаус покачал головой. – Они знали, что мы в гроте. Они не могли бросить своих собратьев-волонтеров.

– Возможно, они думали, что мы не вернемся, – предположила Фиона.

– Нет. – Вайолет показала на экран. – Они наблюдали за нами. Мы были крохотными зелеными точками на экране гидролокатора.

Дети взглянули на экран, надеясь увидеть пропавших чле-

нов команды в виде точек.

– Вероятно, у них была очень веская причина покинуть лодку, – сказала Фиона.

– Какая? – возмутился Клаус. – Они ждали бы нас независимо ни от чего.

– Нет. – Фиона грустно покачала головой. Она медленно сняла водолазный шлем, и средний Бодлер увидел у нее на глазах слезы. – Отчим не стал бы колебаться независимо ни от чего. Тот или та, кто колеблется...

– ...пропали, – закончил Клаус и положил руку ей на плечо.

– Может быть, они оставили судно не по своей воле, – предположила Вайолет, желая сказать «против своего желания». – Может быть, кто-то увел их.

– Увел команду и оставил три шарика? – с недоумением произнес Клаус.

– Новая тайна, – заметила Вайолет. – Но уверена, эту нам удастся разгадать. Снимаем шлемы – и за работу.

Клаус кивнул, снял водолазный шлем и поставил его на пол рядом с Фиониным. Вайолет тоже сняла свой, а затем протянула руку к шлему с Солнышком с намерением открыть дверку и выпустить младшую сестру, чтобы та расправила руки и ноги, выползла из закрытого, тесного пространства и присоединилась к старшим. Но Фиона вдруг перехватила руку Вайолет и показала на круглое оконце в Солнышкином шлеме.

Много есть на свете вещей, которые трудно увидеть. Можно, например, не заметить кубик льда в стакане воды, особенно если кубик льда маленький, а стакан имеет десять миль в диаметре. Низенькую женщину трудно разглядеть в уличной толпе на городской улице, особенно если она замаскировалась под почтовый ящик²⁶, так что люди опускают письма ей в рот. А маленькую керамическую чашку с плотно прилегающей крышкой, внутри которой заключено нечто ценное, очень трудно отыскать в бельеовой громадного отеля, особенно когда поблизости обретается ужасный негодяй, заставляя вас нервничать и не давая сосредоточиться. Однако, бывает, трудно увидеть что-либо не из-за громадности окружающего, не из-за хитроумного маскарада, не из-за присутствия коварной личности с коробкой спичек в кармане и дьявольским умыслом в голове, но из-за того, что вашим глазам предстало нечто в высшей степени неприятное и поверить в это трудно и огорчительно. Ваши глаза словно отказываются видеть то, что находится прямо перед ними. Вы можете, например, смотреть в зеркало и не замечать, как вы постарели или как неудачна ваша прическа, пока кто-нибудь – из добрых побуждений – не укажет вам на это. Вы можете смотреть на дом, где когда-то жили, и не замечать, насколько он изменился к худшему или какой зловещей сделалась атмосфера в округе, до тех пор, пока, зайдя в ближайшую лавочку с мороженым в двух шагах от дома, не обнаружите, что вашего

²⁶ В Америке уличные почтовые ящики большие и стоят на высоких ножках.

любимого сорта больше не производят. И вы можете смотреть в маленькое круглое окошечко водолазного шлема, как делали в этот момент Вайолет и Клаус, и не видеть ядовитых стеблей и шапочек страшного серого гриба за стеклом, пока вам не шепнут испуганно в ухо его научное название.

– Медузообразный мицелий, – прошептала Фиона, и двое старших Бодлеров прищурили глаза и увидели, что так оно и есть.

– Ой нет, – пробормотала Вайолет. – *Нет, нет!*

– Вынь ее оттуда! – закричал Клаус. – Вынимай немедленно, она отравится!

– Нет! – твердо сказала Фиона и вырвала шлем из рук Бодлеров. Она поставила его на стол, точно супницу, – слово, означающее здесь широкое и глубокое блюдо, в котором подают на стол тушеное мясо или суп, а совсем не маленькую перепуганную девочку, свернувшуюся клубком в детали глубоководного снаряжения. – Шлем послужит своего рода карантинном. Если шлем открыть, гриб распространится во круг. Вся субмарина может стать питомником грибов.

– Но мы не можем оставить ее там! – крикнула Вайолет. – Споры отравят ее!

– Возможно, она уже отравлена, – тихо сказала Фиона. – В таком тесном, закрытом пространстве это неизбежно.

– Не может этого быть! – Клаус снял очки, словно отказываясь видеть весь ужас создавшейся ситуации.

Но в этот самый момент им пришлось поневоле признать

реальность происходящего: тихий слабый звук донесся из шлема. Он напомнил Клаусу и Вайолет кашляющих рыб в Порченом потоке, которые пытались дышать в черной, полной пепла воде. Солнышко кашляла.

– Солнышко! – позвал в окошко шлема Клаус.

– Болезнь, – ответила Солнышко, желая сказать «Мне как-то нехорошо».

– Не разговаривай, Солнышко, – посоветовала Фиона и обернулась к старшим Бодлерам. – Мицелий разрушительно действует на дыхательную систему. – С этими словами миколог направилась к шкафу. – В письме говорилось именно об этом. Ваша сестра должна экономить дыхание. Споры будут все больше мешать ей говорить, и она, вероятно, начнет кашлять все больше, по мере того как грибок будет разрастаться внутри. Через час она не сможет дышать. Наблюдать это было бы увлекательно, не будь это так страшно.

– *Увлекательно?!* – Вайолет прижала ладони ко рту и закрыла глаза, пытаясь не представлять себе, как чувствует себя испуганная Солнышко. – Что мы можем сделать?

– Мы можем приготовить противоядие, – отозвалась Фиона. – В моей библиотеке наверняка найдется полезная информация, чтобы спасти вашу сестру.

– Я помогу тебе, – сказал Клаус. – Мне, конечно, будет трудно понять текст, но я...

– Нет, – ответила Фиона. – Для исследований мне требуется быть одной. А вы с Вайолет заберитесь по веревочной

лесенке наверх и запустите двигатели. Надо выбраться из пещеры.

– Но мы все должны заняться исследованиями! – запротестовала Вайолет. – Остался только час, а может быть, и того меньше! Если грибы успели прорасти, пока мы плыли к подводной лодке, то...

– То у нас уже нет времени на пререкания, – закончила Фиона, открывая шкаф и сдвигая в сторону ряд книг. – Приказываю вам оставить меня одну и дать мне возможность заняться книгами, чтобы спасти вашу сестру.

Старшие Бодлеры посмотрели друг на друга, а потом на водолазный шлем, стоящий на столе.

– Ты нам *приказываешь*? – не поверил своим ушам Клаус.

– Так точно! – вскричала Фиона, и Бодлеры услышали, как она впервые произносит эти слова. – Я здесь за старшего! Теперь, когда отчима тут нет, я – капитан «Квиквега»! Так точно!

– Не имеет значения, кто капитан! – возразила Вайолет. – Сейчас главное – спасти мою сестру!

– Лезьте наверх! – скомандовала Фиона. – Так точно! Запускайте двигатели! Так точно! Мы спасем Солнышко! Так точно! И найдем моего отчима! И сахарницу! Так точно! Колебаться некогда! Та, кто колеблется, – пропала! Вот моя личная философия!

– Это личная философия капитана, – буркнул Клаус, – а не твоя!

– Я – капитан! – с яростью воскликнула Фиона, и средний Бодлер разглядел сквозь треугольные очки, что миколог плачет. – Идите делайте, что я приказала!

Клаус открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь еще, но, как оказалось, у него тоже полились слезы, поэтому без дальнейших споров он повернулся и пошел к веревочной лесенке, а Вайолет последовала за ним.

– *Она не права!* – гневно прошептала старшая Бодлер. – Ты сам знаешь, Клаус, что она не права. Что мы будем делать?

– Запустим двигатели и выведем «Квиквег» из пещеры.

– Но это не спасет Солнышко, – настаивала Вайолет. – Ты помнишь описание медузообразного мицелия?

– «В их спорах яд ужасной силы. Вдохнешь – и через час в могилу», – процитировал Клаус. – Естественно, помню.

– Час? – слышался из шлема испуганный голос Солнышка.

– Ш-ш-ш, – остановила ее Вайолет. – Береги дыхание, Солнышко. Мы найдем способ быстро тебя вылечить.

– Быстро не выйдет, – грустно проговорил Клаус. – Теперь Фиона капитан, а она нам приказала...

– Мне все равно, что она приказала, – прервала его Вайолет. – Она чересчур переменчива и ненадежна, чтобы вызвать нас из создавшейся ситуации, она такая же, как ее отчим и как брат! – Старшая из Бодлеров сунула руку в карман комбинезона и достала газетную вырезку, которую взяла в

гроте. При этом она задела рукой баночку с васаби и вздрогнула: ей так захотелось, чтобы сестра выздоровела и смогла использовать японскую приправу в каком-нибудь кушанье. – Послушай, что я прочту, Клаус!

– Не буду слушать! – шепотом огрызнулся брат. – Может быть, Фиона права. Может быть, нам не следует колебаться, да еще в такой момент! Если не найти противоядия для сестры, она может погибнуть! Колебания только все ухудшат.

– Будет хуже, если заводить двигатели, вместо того чтобы вместе с Фионой искать противоядие, – продолжала твердить свое Вайолет.

Но в эту минуту оба они увидели нечто такое, отчего поняли, что хуже быть уже не может и оба они не правы. Им не следовало заводить двигатели и запускать «Квиквег» и не следовало помогать Фионе в ее исследованиях, а также не следовало спорить друг с другом. Бодлерам да и Фионе следовало замереть на месте, стараясь не производить ни малейшего шума, и, вместо того чтобы смотреть на водолазный шлем, где томилась отравленная ядовитым медузообразным мицелием Солнышко, им следовало смотреть на экран гидролокатора или в иллюминатор, глядевший в темную глубину пещеры. На зеленом экране светилась буква «К», символизирующая «Квиквег», но это была еще одна вещь, которую, как мы выше говорили, трудно увидеть, поскольку это же самое место занимал другой зеленый светящийся символ. А за стеклом иллюминатора виднелось множество неболь-

ших металлических трубок, они кружили по воде, выпуская тысячи и тысячи пузырьков, и в центре, где трубки сходились, зияла огромная дыра, похожая на гигантский голодный рот – рот осьминога, готового поглотить «Квиквег» и остатки его команды. Изображение на экране локатора было, само собой разумеется, глазом, а в иллюминаторе была видна субмарина, но и то и другое, как знали дети, означало одно: Граф Олаф. А уж это было хуже некуда.

Глава девятая

Если вы подумываете, не начать ли преступную жизнь – а я решительно надеюсь, что это не так, – то для успеха вам, как и всякому злодею, требуется соблюдать целый ряд условий. Прежде всего следует относиться с преступным пренебрежением к остальным людям, грубо разговаривать со своей жертвой, не обращать внимания на мольбы о пощаде и даже, если вздумается, вести себя агрессивно. Кроме того, преступник должен обладать злодейским воображением, чтобы на досуге вынашивать разные злодейские планы для поддержания своей преступной карьеры. Злодей подбирает себе небольшую группу или отряд негодяйски настроенных личностей, которые готовы служить ему в качестве его

личных приспешников. Преступник должен к тому же выработать особый злодейский смех, который знаменовал бы собой торжество очередного злодейства и одновременно запугивал оказавшихся рядом людей без преступных наклонностей. Всеми этими качествами преуспевающие злодеи или злодейка должны обладать в полной мере или же отказаться вообще от преступной жизни и постараться вести жизнь добропорядочную, чистую, исполненную доброты, что гораздо труднее, хотя и благороднее, но далеко не так увлекательно.

Граф Олаф был, разумеется, превосходным злодеем, что в данном случае означает не «злодей, обладающий рядом превосходных качеств», а «исключительно искусный в своих преступных деяниях». Бодлеровским сиротам это стало ясно уже вскоре после того ужасного дня на Брайни-Бич, когда они слышали про страшный пожар, с которого и начались их дальнейшие несчастья. Но когда «Квиквег» засосало в пасть олафовской ужасающей субмарины-осьминога, сиротам подумалось, что Олаф за тот недолгий период, пока они его не видели, достиг еще больших высот негодяйства. Он неоднократно доказывал свое, характерное для злодеев, пренебрежение к жизни других людей – начиная со злодейских убийств бодлеровских опекунов до пристрастия к поджогам, иначе говоря, страсти сжигать дома независимо от количества находящихся внутри людей. Однако дети ощутили, что это олафовское пренебрежение еще усилилось, когда «Квиквег» всплыл в зияющую пасть и его начало швы-

рять из стороны в сторону, поскольку механический осьминог изображал глотательные движения. Вайолет и Клаус и, разумеется, Фиона хватались за что попало, стараясь удержаться на ногах, а кают-компания накренилась то в одну, то в другую сторону, так что Солнышко болталась в шлеме, как арбуз в стиральной машине. Граф и раньше проявлял свое, типичное для злодеев, воображение в целом ряде случаев – начиная с подлых планов кражи бодлеровского состояния и кончая гнусными умыслами похищения Дункана и Айседоры Квегмайр. Но сейчас дети глядели в иллюминатор и видели, что дьявольское воображение Олафа проявилось самым необузданным образом, когда он отделявал свою жуткую субмарину: «Квиквег» переваливался по грохочущему туннелю, почти такому же темному и зловещему, как грот Горгоны, но каждый дюйм металлических стен туннеля был покрыт жуткими светящимися глазами. Графа всегда сопровождало сборище приспешников, состоящее из членов его прежней театральной труппы (многих, правда, уже недоставало), а также из нескольких работников Карнавала Калигари, но сейчас, как отметили сироты, он заманил много новичков. Когда туннель сделал поворот и перед глазами старших Бодлеров промелькнуло огромное помещение, они увидели множество людей, которые гребли длинными металлическими веслами, приводя в движение страшные металлические щупальца осьминога. Но что хуже всего – когда «Квиквег» наконец дернулся и остановился и Вайолет с Клаусом

выглянули в иллюминатор, стало ясно, что негодяй, видимо, все последнее время тренировался и теперь его злодейский смех сделался сверхгнусным и еще более театральным, чем прежде.

С торжествующей ухмылкой Граф Олаф стоял на небольшой металлической площадке, одетый в знакомый комбинезон из скользкой ткани, но с портретом не Мелвилла, а другого писателя, узнать которого мог только очень начитанный человек. Как только он заглянул в иллюминатор и увидел испуганных детей, он разинул рот и разразился совершенно новым злодейским смехом, в котором появились новые хрипы и визги, а также целый набор странных звуков, каких Бодлеры никогда не слышали.

– Ха-ха-ха хипа-хипа хо! Хот ча-ча-ча! Сниггл хи! Ха, как я в этих случаях выражаюсь! – Он с хвастливым видом прыгнул с платформы, выхватил длинную острую шпагу и быстрым движением начертил круг на стекле иллюминатора.

Вайолет и Клаус заткнули руками уши, чтобы не слышать пронзительного визга острия по стеклу. Затем резким ударом шпаги Олаф вышиб стеклянный круг, который упал, не разбившись, на пол кают-компания, а Граф Олаф впрыгнул в дыру прямо на большой деревянный стол и снова принялся хохотать.

– Я сейчас надорвусь от смеха! Прямо катаюсь от хохота! Смех меня душит! Во мне гремит ликование! Я всерьез думаю собрать юмористическую книжку из всех веселых идей,

толпящихся у меня в голове! Хуп-хуп ха-ха хам хи-хи!

Вайолет кинулась вперед и схватила шлем с Солнышком, чтобы Олаф, изображая победный танец, не сшиб шлем со стола. Ей было мучительно думать о сестре, вдыхающей ядовитые пары медузообразного мицелия, в то время как Олаф отнимал у них драгоценные минуты, демонстрируя свой новый невыносимый смех.

– Перестаньте смеяться, Граф Олаф, – наконец не выдержала Вайолет. – В злодеяниях нет ничего смешного.

– Еще как есть! – радостно прокаркал Олаф. – Ха-ха хам карр! Нет, вы только представьте! Я спускаюсь с горы и нахожу обломки саней, разбросанные по острым камням! Тихи хилый кит! Я уже решил, что вы утонули в Порченном потоке и плаваете вместе с кашляющими рыбами! Хо-хо дохлый кот! Я был убит горем!

– Ничего подобного! – отрезал Клаус. – Вы много раз пытались нас уничтожить.

– Потому я и был убит горем! Хо-хо сниггл! Я мечтал лично покончить с вами, Бодлеры! Конечно, после того, как заполучу ваше наследство и вырву сахарницу из ваших мертвых рук – или ног.

Вайолет с Клаусом быстро переглянулись. Они совсем позабыли о том, что сказали Олафу, будто знают, где находится сахарница, хотя, разумеется, представления не имели, где она на самом деле.

– Чтобы утешиться, – продолжал негодая, – я повидался

со своими соратниками в отеле «Развязка» – они там и сами кое-что затевают – и убедил их одолжить мне горстку новых рекрутов.

Старшие Бодлеры знали, что под соратниками Олаф раздумел мужчину с бородой, но лысого и женщину с волосами, но без бороды – людей настолько зловещих, что даже Олаф, судя по всему, их побаивался. А под новыми рекрутами имелась в виду группа Снежных скаутов, которых те злодеи недавно похитили.

– Ти-ти террорист! Благодаря их щедрости мне удалось привести в движение мою субмарину! Сниггл хо-хо-хо! Мне, конечно, надо вернуться в отель «Развязка» к четвергу, но до тех пор придется как-то убить несколько дней, вот я и решил убить кого-нибудь из моих старых врагов! Хи-хи хирургия! Я начал рыскать по морю, высматривая капитана Уиддершинса и его дурацкую лодку на экране локатора! Ти-хи телотаксис! И вот я захватываю «Квиквег» и нахожу на борту Бодлеров! Ну и умора! Ну комедия! Ну потеха! И даже довольно смешно!

– Как вы посмели захватить нашу лодку! – закричала Фиона. – Я – капитан «Квиквега», я требую немедленно выпустить нас в море! Так точно!

Граф Олаф уставился с высоты своего роста на микологию.

– *Так точно?* – повторил он. – Значит, ты Фиона, маленькая маньячка, помешавшаяся на грибах! До чего же вы все

выросли! В последний раз я тебя видел, когда бросал в твою колыбель чертежные кнопки! Ха-ха-хой поллой! А что случилось с Уиддершинсом? Почему не он капитан?

– Отчима в данный момент здесь нет. – Фиона заморгала за своими треугольными очками.

– Ти-ти-ха зеленая махра! Сбежал, значит? Ну что ж, этого следовало ожидать. Все члены твоей семьи вечно не могли решить, какую сторону раскола принять. Твой брат до поры до времени тоже был паинькой – тушил пожары, вместо того чтобы их раздувать, но в конце концов...

– Отчим не сбежал! – крикнула Фиона, но голос у нее дрогнул, иначе говоря, прозвучал так, словно она не была в этом уверена. Она даже не добавила «Так точно!».

– Это мы проверим, – злорадно ухмыльнулся Олаф. – Сейчас я отведу всю вашу компанию на гауптвахту. Так называется тюрьма у моряков.

– Мы знаем, что такое гауптвахта! – огрызнулся Клаус.

– Тогда ты знаешь, что это не слишком приятное местечко, – продолжал негодай. – Предыдущий владелец субмарины держал там предателей.

– Мы не предатели, и мы не покинем «Квиквег», – возмутилась Вайолет и подняла кверху водолазный шлем.

Солнышко попыталась произнести что-то, но закашлялась – разрастающийся гриб делал свое дело. Олаф нахмурился, глядя на кашляющий шлем.

– Это еще что? – грозно спросил он.

– Там Солнышко, – ответила Вайолет. – Ей очень плохо.

– А я-то удивляюсь, куда подевалась маленькая девчонка. Я думал даже, что наступил на нее, а оказывается, под ногами у меня какая-то дурацкая книжонка.

Он приподнял ногу в скользком сапоге, и там обнаружили «Микологические миниатюры» – книга, которую изучала Фиона. Он пнул книгу так, что она отлетела в дальний угол.

– Внутри этого шлема находится смертельный яд. – Фиона с огорчением проводила книжку взглядом. – Так точно! Если в течение часа Солнышку не дать противоядия, она погибнет.

– Мне-то что? – прорычал Олаф, в который раз проявляя пренебрежение к жизни других людей. – Чтоб забрать в свои руки наследство, мне нужен только один Бодлер. А ну пошли! Ха-ха-ха халва!

– Мы остаемся тут, – заявил Клаус. – От этого зависит жизнь нашей сестры.

Граф Олаф снова выхватил шпагу и изобразил в воздухе нечто зловещее.

– Я скажу, от чего зависит ваша жизнь. Она зависит от меня! Если бы я хотел, я бы утопил вас в море или задушил щупальцами механического осьминога! Лишь по доброте сердечной и из жадности я сажаю вас на гауптвахту!

Солнышко опять закашляла, и Вайолет начала быстро соображать:

– Если вы дадите нам помочь нашей сестре, мы вам скажем, где сахарница.

Граф Олаф сузил глаза и одарил детей широкой улыбкой, обнажающей зубы, улыбкой, которую Бодлеры не раз видели в самые бедственные моменты своей жизни. Глаза его загорелись особым блеском, как будто он только что отпустил удачную шутку – такую же гадкую, как его нечищенные зубы.

– Больше со мной этот номер не пройдет, – фыркнул он. – Я не намерен заключать сделки с сиротой, пусть она и хорошенькая. Очутитесь на гауптвахте, быстро расскажете, где сахарница. Стоит вам только попасть в руки моего пособника... или я должен сказать – *в крюки*? Пых-пых пытка!

Граф Олаф выпрыгнул в иллюминатор. Вайолет с Клаусом в страхе переглянулись. Они знали, что Граф Олаф имел в виду своего приспешника с крюками вместо рук, которого дети знали на протяжении всего знакомства с Графом Олафом. Именно он был у детей одним из самых нелюбимых.

– Я могла бы взобраться быстро по веревочной лестнице, – тихо пробормотала Вайолет, – и завести двигатели «Квиквега».

– Без стекла в иллюминаторе лодка не сможет погрузиться, – возразила Фиона, – она утонет.

Клаус приложил ухо к водолазному шлему и услышал, что его младшая сестра хнычет. Потом она закашлялась.

– Но как же спасти Солнышко? Время истекает.

Фиона бросила взгляд в дальний угол кают-компаний.

– Я возьму книгу с собой, – сказала она, – и я...

– Поторопитесь! – прикрикнул Олаф. – Я не могу торчать тут весь день! У меня под началом куча народу!

– Так точно! – отозвалась Фиона. Вайолет с Солнышком в руках впереди, а Клаус за нею вышли через иллюминатор на платформу, где стоял Граф Олаф. – Иду через минуту! – крикнула микологиня и сделала неуверенный шаг в сторону книги «Микологические миниатюры».

– Ты идешь *сейчас!* – зарычал Олаф и погрозил ей шпагой. – Тот, кто колеблется, – пропал! Хи-хи сниггл!

При упоминании личной философии капитана Фиона вздохнула и прекратила свое продвижение исподтишка, иначе говоря, незаметно красться к микологической книге.

– Или та, – тихо сказала она и, шагнув в иллюминатор, присоединилась к Бодлерам.

– По дороге к гауптвахте я устрою вам обзорную экскурсию! – объявил Олаф, выходя первым из круглой металлической комнаты, которая явилась своего рода гауптвахтой для «Квиквега».

Пол туннеля был покрыт несколькими дюймами воды, чтобы захваченная субмарина могла скользить по нему, поэтому сапоги Бодлеров, следовавших за хвастливым негодяем, при каждом шаге издавали громкое хлюпанье. Солнышко снова закашлялась. Олаф нажал на стене какой-то глаз, низкая дверь со зловещим шорохом отъехала в сторону, и за ней открылся коридор.

– Эта субмарина – самое шикарное из всего, что я украл, – похвастался Олаф. – На ней есть все, что мне нужно, чтобы покончить с Г. П. В. раз и навсегда. Есть система звуковой локации, так что я могу очистить моря от субмарин Г. П. В. Имеется громадная зенитная установка, так что я могу очистить небо от самолетов Г. П. В. Запаса спичек здесь хватит на всю жизнь, так что я могу избавить мир от штаб-квартир Г. П. В. Есть несколько ящиков вина, которое я выпью сам, а также шкаф, полный весьма стильных нарядов для моей подруги. А самое главное – уйма тяжелой работы для детей! Ха-ха хулиган!

Размахивая шпагой, он свернул за угол и завел детей в громадное помещение, то самое, которое мелькнуло перед их глазами, когда «Квиквег» втягивало в жуткий туннель. Там было бы совсем темно, если бы кое-где на верхушках высоких колонн не висели фонари. При их свете Клаусу и Вайолет удалось разглядеть два длинных ряда деревянных, неудобных на вид скамеек, а на них множество детей, которые быстро-быстро работали длинными веслами. Весла проходили через весь зал и даже дальше, сквозь отверстия в стенах, и приводили в движение щупальца осьминога. Старшие Бодлеры узнали кое-кого из отряда Снежных скаутов, которых встречали в Мертвых горах, а несколько человек очень напоминали учеников Пруфрокской подготовительной школы, где Бодлеры впервые познакомились с Кармелитой Спатс, однако были и такие, с кем у Бодлеров пути не пе-

ресекались, иначе говоря, которые, возможно, были похищены Графом Олафом или его пособниками при иных обстоятельствах. Видно было, что дети очень устали, весьма проголодались и двигать металлическими веслами туда-сюда им порядком надоело. В самом центре помещения оказался еще один осьминог. Этот был из скользкой ткани, шесть его щупальцев свисали неподвижно вдоль тела, а два были задраны высоко вверх, и одно размахивало чем-то похожим на длинную мокрую лапшу.

– Быстрей гребите, тупицы! – орал осьминог знакомым голосом. – Нам надо вернуться в отель «Развязка» к четвергу, а сегодня уже понедельник! Не поторопитесь – огрею талъятеллой гранде! Предупреждаю: удар большим куском теста – ощущение липкое и малоприятное! Хо-хо сниггл!

– Хи-хи снаггл! – присовокупил Олаф.

Осьминог резко обернулся.

– Милый! – взвизгнул он, и Бодлеры несколько не удивились, увидев, что это Эсме Скволор, коварная подружка Графа Олафа, в одном из своих нелепых модных нарядов.

Используя скользкую материю от водолазных костюмов, злодейка соорудила себе костюм осьминога с двумя большими пластиковыми глазами, шестью дополнительными рукавами и густо насаженными на сапоги присосками, какие помогают передвигаться настоящим осьминогам.

Эсме сделала несколько шагов к Олафу, каждый раз прилипая к полу, и всмотрелась в детей из-под скользкого капю-

шона.

– *Бодлеры?! –* изумилась она. – Каким образом? Мы же отпраздновали их гибель!

– Оказывается, они выжили, – ответил Граф Олаф. – Но теперь их везению пришел конец. Я веду их на гауптвахту!

– Маленькая девчонка, безусловно, выросла, – заметила Эсме, глядя на Фиону. – Но такая же уродливая, как и раньше.

– Нет-нет, – поправил ее Олаф. – Девчонка сидит вон в том шлеме, кашляет-надрывается. А это Фиона, падчерица капитана Уиддершинса. Он ее бросил!

– Бросил? – повторила Эсме. – Как это модно! Как стильно! Как чудесно! Над этим стоит посмеяться нашим новым смехом! Ха-ха хамелеон!

– Ти-хи тишина! – хихикнул Олаф. – Жизнь становится все лучше да лучше!

– Сниггл хо-хо! – выкрикнула Эсме. – Наша победа близка!

– Ха-ха хепплуайт!²⁷ – прокричал Олаф. – Г. П. В. будет сожжен дотла!

– Гиггл-гиггл гланды! – воскликнула Эсме. – Мы дико разбогатеем!

– Хипа-дипа хо-хо-ха! – заорал Олаф. – Мир навсегда запомнит имя этой изумительной субмарины!

– А как ее имя? – спросила Фиона, и, к великому облегче-

²⁷ *Хепплуайт* – стиль английской мебели, по имени ее создателя.

нию детей, раздражающий смех негодяя и негодяйки разом оборвался.

Олаф бросил на Фиону свирепый взгляд, но тут же опустил глаза.

– «Кармелита», – нехотя признался он. – Я хотел назвать субмарину «Олаф», но кое-кто разубедил меня.

– «Олаф» – кексолизное имя! – раздался грубый голос, который Бодлеры надеялись никогда больше не слышать, и, к моему огорчению, должен сообщить, что в комнату впрыгнула Кармелита Спатс, бросив по дороге насмешливый взгляд на Бодлеров.

Кармелита и всегда была неприятной особой, из тех, что считают себя красивее и умнее всех на свете, но сейчас, как Клаусу и Вайолет сразу бросилось в глаза, Олаф и Эсме окончательно испортили ее баловством. На ней был наряд, пожалуй, еще более нелепый, чем на Эсме Скволор, – весь розовый самых разных оттенков, преимущественно таких пронзительных, что Вайолет и Клаусу пришлось сощурить глаза. На ней была пышная балетная пачка в оборочках, а на голове огромная розовая корона, вся в бледно-розовых бантиках и темно-розовых цветочках. На спине торчали два розовых крыла, на щеках алело по сердечку, а на ногах были надеты непарные розовые туфли, которые при каждом шаге неприятно шлепали. На шее у нее висел стетоскоп, какими пользуются доктора, с наклеенными розовыми грибами, а в одной руке она держала длинную розовую палочку с ярко-розовой

звездой на конце.

– Прекратите пялиться на мой наряд! – крикнула она презрительным тоном Бодлерам. – Вы мне просто завидуете, потому что я балерина-чечеточница-сказочная принцесса-ветеринар.

– Ты восхитительна, радость моя! – промурлыкала Эсме, погладив Кармелиту по короне. – Правда, она восхитительна, Олаф?

– Допустим, – буркнул Олаф. – Хорошо бы ты спрашивала моего разрешения, прежде чем брать театральные костюмы у меня из багажника.

– Ну-у, графуля, они мне были так нужны, – прохныкала Кармелита, хлопая ресницами, покрытыми блестками. – Мне был нужен особый наряд для особого балетного представления балерины-чечеточницы-сказочной принцессы-ветеринара!

Несколько из сидевших на веслах детей застонали.

– Ой нет, пожалуйста! – закричал один из Снежных скаутов. – Ее танцы длятся часами!

– Сжальтесь над нами! – крикнул другой скаут.

– Кармелита Спатс – талантливейшая танцовщица на земле! – рявкнула Эсме и завертела лапшой над головами гребцов. – Вы должны спасибо сказать, неблагодарные отродья, за то, что она танцует для вас. Это поможет вам грести!

– Уф, – не удержалась даже Солнышко, словно сама мысль о танцах Кармелиты ухудшила ее состояние. Старшие Бодле-

ры переглянулись и попытались сообразить, чем бы помочь младшей сестре.

– По-моему, у нас на «Квиквеге» есть розовый капюшон, – торопливо сказал Клаус. – Он будет прекрасно смотреться на Кармелите. Я сейчас сбегая на нашу лодку и...

– Очень мне нужно ваше старье, кексолиз несчастный! – презрительно отрезала Кармелита. – Балерина-чечеточница-сказочная принцесса-ветеринар не носит чужих обносков!

– Ну разве она не прелесть? – проворковала Эсме. – Она мне прямо как приемная дочка, таких у меня никогда не было. Не считая, конечно, вас, Бодлеры. Но вы мне никогда особо не нравились.

– А ты останешься посмотреть, как я танцую, графуля? – спросила Кармелита. – Это будет совершенно особенный, единственный в целом мире танец!

– У меня работы по горло, – поспешно отозвался Граф Олаф. – Надо посадить сирот на гауптвахту, а уж там мой помощник выжмет из них признание, где сахарница.

– Тебе сахарница дороже, чем я. – Кармелита надула губы.

– Конечно же нет, радость моя, – запротестовала Эсме. – Олаф, скажи ей, что сахарница для тебя не имеет никакого значения! Скажи ей, что она дивный цветок алтея на нашем жизненном пути!

– Ты алтей, Кармелита, – промямлил Олаф и вытолкнул четверых детей из огромной комнаты. – Увидимся позже.

– Скажи крюкастому, пусть как можно хуже обращается с этими отродьями! – крикнула вдогонку Эсме и крутанула тальяtellлой гранде над своей псевдоосьминожьей головой. – А теперь начинаем концерт!

Граф Олаф вывел детей из комнаты в тот момент, когда Кармелита Спатс принялась притоптывать и кружиться перед гребцами, и старшие Бодлеры, можно сказать, обрадовались, что их ведут на гауптвахту и им не придется смотреть на выступление балерины-чечеточницы-сказочной принцессы-ветеринара. Олаф потащил их еще по одному коридору, который извивался каждые несколько шагов, поворачивая то вправо, то влево, точно змея, которую проглотил механический осьминог. Наконец Олаф остановился перед невысокой дверью, где вместо ручки сидел металлический глаз.

– Вот и гауптвахта! – крикнул он. – Ха-ха галантерея!

Из шлема опять донесся кашель Солнышка – на этот раз громкий и лающий, гораздо хуже прежнего. Судя по всему, зловредный медузообразный мицелий продолжал разрастаться. Вайолет сделала еще одну попытку убедить него, давая им возможность оказать помощь сестре.

– Пожалуйста, отпустите нас на «Квиквег», – попросила она. – Слышите, как она кашляет?

– Слышу, – отвечал Граф Олаф, – а мне-то что?

– *Пожалуйста!* – крикнул Клаус. – Речь идет о жизни и смерти!

– Естественно. – Олаф ухмыльнулся и повернул ручку. –

Уж мой помощник добьется от вас, где сахарница, даже если ему придется разорвать вас на кусочки!

– Послушайте моих друзей! – взмолилась Фиона. – Так точно! Мы в ужасном положении!

– Не сказал бы. – Граф Олаф гадко улыбнулся.

Дверь со скрипом открылась, и глазам детей предстала маленькая пустая комната. В ней не было ничего, кроме табурета, на котором сидел какой-то человек и с явным трудом тасовал колоду карт.

– Разве воссоединение семьи может быть ужасным? – И с этими словами Олаф втолкнул детей в комнату и захлопнул за ними дверь.

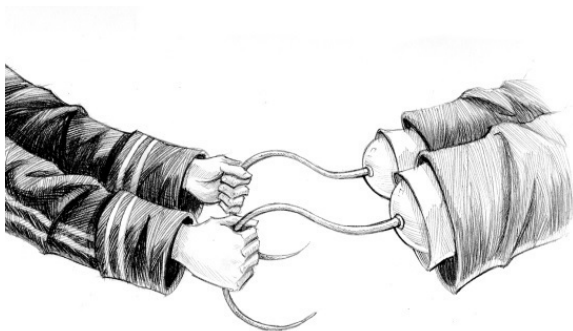
Вайолет и Клаус посмотрели на олафовского сообщника, потом повернули шлем так, чтобы и Солнышко могла его увидеть. Бодлеры, конечно, нисколько не удивились, что человек, тасовавший карты, их старый знакомый – тот самый крюкастый. Присутствие его отнюдь их не обрадовало, к тому же они испугались, что пребывание на гауптвахте сделает невозможным спасти Солнышко от растущих внутри шлема грибов. Но, посмотрев на Фиону, они увидели на лице миколога удивление и радость при виде того, кто встал с табурета и в изумлении замахал крюками.

– Фиона! – воскликнул он.

– Фернальд! – отозвалась Фиона.

И Бодлерам подумалось, что, может быть, им все-таки удастся спасти Солнышко.

Глава десятая

То, как действует печаль в том или ином случае, – одна из самых непонятных загадок на свете. Если вас охватила глубокая печаль, у вас может возникнуть ощущение, будто вы охвачены огнем. И не только из-за сильнейшей боли, но и оттого, что печаль окутала вашу жизнь, как дым от громадного пожара, и вы уже не различаете ничего вокруг, кроме собственной печали. Точно так же, как дым скрывает окрестность и вокруг все становится сплошь черным. Даже радостные события для вас подернуты грустью, так же как от дыма на всем, чего он касается, остается дымный цвет и запах. И даже если вас обольют водой с головы до ног и вы промокнете и в какой-то мере отвлечетесь, все равно это не излечит вас от печали. Так же как пожарная команда потушит огонь,

но не воскресит того, что сгорело. В жизни бодлеровских сирот, как известно, глубокая печаль сопутствовала им с той минуты, когда они слышали о гибели родителей. По временам им приходилось словно отгонять дым с глаз, чтобы различить даже самые радостные события. Наблюдая, как обнимают друг друга Фиона и крюкастый, Вайолет с Клаусом испытали ощущение, будто дым их несчастий заполнил маленькую камеру. Им невыносимо было думать, что вот Фиона нашла давно пропавшего брата, а им, скорее всего, никогда больше не увидеть своих родителей и даже грозит потерять и сестру, судя по тому, как ядовитые споры медузообразного мицелия вызывали у Солнышка все более и более глубокий кашель.

– Фиона! – воскликнул крюкастый. – Это и правда ты?!

– Так точно! – Микологиня сняла свои треугольные очки и вытерла глаза. – Никогда не думала, что снова увижу тебя, Фернальд. Что у тебя с руками?

– Не будем об этом, – быстро ответил крюкастый. – Почему ты здесь? Ты тоже присоединилась к Графу Олафу?

– Нет, конечно, – решительно заявила Фиона. – Он захватил «Квиквег» и посадил нас на гауптвахту.

– Так, значит, ты присоединилась к этим отродьям, к Бодлерам. Я и сам мог бы догадаться, ты ведь у нас паинька.

– Я не присоединилась к Бодлерам, – так же решительно ответила Фиона. – Это они присоединились ко мне. Так точно! Я теперь капитан «Квиквега».

– Ты? – удивился олафовский приспешник. – А что случилось с Уиддершинсом?

– Он исчез с лодки. Мы не знаем, где он.

– Туда ему и дорога. – Крюкастый ухмыльнулся. – Плевать я хотел на этого усатого дурака. Из-за него в первую очередь я и ушел к Графу Олафу! Вечно орал: «Так точно! Так точно! Так точно!» – и шпынял меня. Вот я и удрал, и вступил в театральную труппу Олафа.

– Но Граф Олаф чудовищный негодяй! – возмутилась Фиона. – Он с пренебрежением относится к другим людям. Он замышляет всякие коварные интриги и заманивает людей в ряды своих сторонников!

– Ну да, это его плохие стороны, – признал крюкастый. – Но у него много хороших. Например, у него замечательный смех.

– Это не извиняет его злодейских поступков! – возразила Фиона.

– Останемся при своих мнениях, – ответил крюкастый, употребив избитое выражение, которое в данном случае означало «Может, ты и права, но я сейчас растерян и не готов с тобой согласиться». Он небрежно махнул крюком сестре. – Отойди в сторону, Фиона. Пора сиротам сказать мне, где сахарница.

Олафовский пособник наскоро поточил крюки, потеряв их друг о друга, и с угрожающим видом сделал шаг к Бодлерам. Вайолет и Клаус в испуге посмотрели друг на друга, а

потом на водолазный шлем, откуда как раз послышался душераздирающий кашель, и поняли, что пора им выложить карты на стол, то есть в данном случае честно признаться во всем отвратительному олафовскому пособнику.

– Мы не знаем, где сахарница, – сказала Вайолет.

– Сестра говорит правду, – поддержал ее Клаус. – Делайте с нами что хотите, все равно нам нечего вам сказать.

Крюкастый устремил на них злобный взгляд и опять потер крюком о крюк.

– Врете, – сказал. – Вы – парочка сирот-вралей.

– Нет, это правда, Фернальд, – подтвердила Фиона. – Так точно! Найти сахарницу – такова была миссия «Квиквега», но нам это не удалось.

– Если вы не знаете, где сахарница, – сердито отозвался крюкастый, – то держать вас на гауптвахте бессмысленно! – Он отвернулся и мрачно пнул табурет, отчего он опрокинулся. После чего заодно пнул стену. – И что мне теперь прикажете делать?

Фиона положила руку ему на крюк.

– Отведи нас на «Квиквег», – сказала она. – В этом шлеме находится Солнышко вместе с ростком медузообразного мицелия.

– Медузообразного мицелия? – в ужасе повторил крюкастый. – Но это очень опасный гриб!

– Она в большой опасности, – добавила Вайолет. – Если мы как можно быстрее не найдем противоядия, сестра

умрет.

Крюкастый нахмурился, но потом взглянул на шлем и пожал плечами:

– Ну и пускай. Мне от нее с самого начала одни неприятности. Граф Олаф каждый раз, как бодлеровское состояние уплывает у нас из-под носа, задает нам взбучку!

– Это ты приносил Бодлерам одни неприятности, – сказала Фиона. – Граф Олаф осуществлял свои бесчисленные коварные замыслы, а ты ему снова и снова помогал. Так точно! Тебе должно быть стыдно!

Крюкастый вздохнул и потупился.

– Иногда мне бывает стыдно, – признался он. – Поначалу работать в труппе Олафа было очень весело, но теперь мы совершили столько убийств, поджогов, шантажа и прочих разных преступлений, что, по мне, это даже чересчур.

– Сейчас у тебя есть возможность совершить какой-нибудь благородный поступок, – сказала Фиона. – Не обязательно ведь оставаться на плохой стороне раскола.

– Ох, Фиона. – Крюкастый неуклюже обнял ее за плечи одним крюком. – Ты не понимаешь. У раскола нет плохой стороны.

– Нет, есть, – вмешался Клаус. – Г. П. В. – благородная организация, а Граф Олаф – отъявленный мерзавец.

– Благородная организация? – фыркнул крюкастый. – Ты так считаешь? Скажи это своей младшей пигалице, очкарик несчастный! Да если бы не грибное переменчивое внедре-

ние, вы бы не напоролись на смертоносные грибы!

Дети переглянулись. Они вспомнили письмо, которое прочли в гроте Горгоны, и вынуждены были признать, что олафовский пособник прав. Но тут Вайолет сунула руку в карман и вытащила газетную вырезку, найденную Солнышком в пещере. Она выставила ее перед собой, чтобы все увидели статью в «Дейли пунктилио», которую она так долго скрывала от младших Бодлеров.

– «ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ИЗМЕНА ФЕРНАЛЬДА», – прочла она вслух заголовок, а затем, строкой ниже, фамилию того, кто написал статью: – «Жак Сникет». «Установлено, что пожар, который уничтожил центр „Ануистл Акватикс“ и унес жизнь известного ихнолога Грегора Ануистла, был устроен Фернальдом Уиддершинсом, сыном капитана подводной лодки „Квиквег“. Участие семьи Уиддершинс в недавно происшедшем расколе породило ряд вопросов относительно...» – Вайолет подняла голову и встретила злобным взглядом олафовского приспешника. – Остальная часть статьи расплылась, – сказала она, – но смысл ясен. Вы изменили Г. П. В. и перебежали к Олафу.

– Разница между двумя сторонами раскола, – добавил Клаус, – в том, что одна сторона тушит пожары, а другая их устраивает.

Крюкастый пригнулся вперед и наколот газету на крюк, потом он повернул статью к себе, чтобы прочесть ее самому.

– Видели бы вы тот пожар, – тихо проговорил он. – Издали

будто гигантский черный столб поднимался прямо из воды. Будто горело само море.

– Ты, наверное, гордился своей работой, – с горечью сказала Фиона.

– Гордился? – переспросил крюкастый. – Да это был худший день в моей жизни. Тот столб дыма... ничего печальнее в жизни не видывал. – Он насадил обрывок газеты на второй крюк и разодрал газету в клочья. – В «Пунктилио» все перепутали: капитан Уиддершинс мне не отец и фамилия у меня другая. И с пожаром не все так просто. Вы должны знать, Бодлеры, что в «Дейли пунктилио» рассказана не вся история. Так же как яд смертоносных грибов может послужить источником чудодейственных лекарств, так и кто-то вроде Жака Сникета может совершить подлость, а кто-то вроде Графа Олафа совершить благородный поступок. Даже ваши родители...

– Отчим знал Жака Сникета, – перебила его Фиона. – Жак был хорошим человеком, а Граф Олаф убил его. И ты тоже убийца? Это ты убил Грегора Ануистла? Ничего не ответив, крюкастый с мрачным видом вытянул перед собой крюки.

– Когда ты видела меня в последний раз, – сказал он Фионе, – у меня было две руки, а не крючья. Наш отчим небось не рассказал тебе, что со мной случилось. Он всегда твердил, что на свете есть тайны, о которых не следует знать молодым. Вот олух!

– Наш отчим не олух, – запротестовала Фиона. – Он бла-

городный человек. Так точно!

– Люди не бывают либо плохими, либо благородными, – возразил крюкастый. – Они вроде фирменного салата – вкусное и невкусное, плохое и хорошее нарублено и перемешано, так что получается неразбериха и раздоры. – Он обернулся к Бодлерам и показал на них крюком. – Поглядите на себя, Бодлеры. Вы что же, считаете, будто мы с вами такие разные? Когда орлы несли меня над горами, я увидел внизу пепелище – то, что осталось от Пустошей после пожара, который мы с вами устроили вместе. Вы жгли – и я жег. Вы присоединились к команде «Квиквега», а я – к команде «Кармелиты». Оба наших капитана люди ненадежные, оба стремятся попасть в отель «Развязка» к четвергу. Единственная разница между нами – это разные портреты на комбинезонах.

– У нас – портрет Германа Мелвилла, – возразил Клаус. – Писатель величайшего таланта; в своей странной, нередко экспериментальной философской прозе он привлекает наше внимание к тяжелому положению зачастую презираемых людей – бедных моряков или эксплуатируемых подростков. Я горжусь тем, что ношу его портрет. Но на вас портрет Эдгара Геста. Он был поэт ограниченных способностей, писал неуклюжие, скучные стихи на безнадежно-сентиментальные темы. Как вам не стыдно!

– Я и сам не слишком люблю Эдгара Геста, – признался крюкастый. – До того как примкнуть к Графу Олафу, я изучал поэзию с отчимом. Мы читали друг другу стихи в ка-

ют-компании «Квиквега». Но теперь слишком поздно. Я не могу вернуться к прошлой жизни.

– Возможно, и нет, – согласился Клаус. – Но вы можете вернуть нас на «Квиквег», чтобы мы спасли Солнышко.

– Пожалуйста, – услышали дети голос Солнышка из глубины шлема. Голос был хриплый, казалось, скоро она совсем не сможет говорить.

Какое-то время в камере, по мере того как одна за другой проходили решающие минуты отпущенного Солнышку часа, слышались лишь ужасающий кашель Солнышка да ворчание крюкастого, который ходил из угла в угол, сплетая и расплетая крюки и решая, как быть. Вайолет с Клаусом следили за его крюками и вспоминали все случаи, когда он угрожал ими Бодлерам. Одно дело полагать, что в людях плохое и хорошее перемешано наподобие ингредиентов в салате, но совсем другое – глядеть на пособника отъявленного негодяя, который столько раз старался причинить им зло, и пытаться выискать в нем хорошее, хотя вспоминаются только причиненные им боль и страдания. Пока крюкастый кружил по комнате, Бодлеры словно копались в салате, состоящем главным образом из ужасных и, возможно, даже ядовитых элементов, и отчаянно пытались отыскать тот единственный благородный кусочек, который мог бы спасти их сестру. В точности как я временами отрываюсь от своих записей, лежащих передо мной на столе, и копаюсь в салате, надеясь, что в моем официанте больше благородства, чем

вредности, и мою сестру Кит, возможно, спасет маленький ломтик тоста, пропитанного соусом, если мне удастся найти его в тарелке. Наконец после долгого мычания и хмыканья, что в данном случае означает «после того, как он долго бормотал и откашливался, чтобы оттянуть решение», олафовский приспешник остановился перед детьми, упер крюки в бока и преподнес им поистине хобсоновский выбор:

– Я отведу вас на «Квиквег», если вы возьмете меня с собой.

Глава одиннадцатая

нула Фиона. – Так точно! Так точно! Так точно! Мы возьмем тебя с собой, Фернальд! Так точно!

Вайолет с Клаусом переглянулись. Они, конечно, были благодарны за то, что крюкастый отпускал их и они могли попытаться спасти Солнышко от медузообразного мицелия, но им невольно захотелось, чтобы Фиона не произносила столько раз «Так точно!». Они опасались, как бы им потом не пришлось пожалеть о принятом решении – пригласить олафовского пособника на «Квиквег», хоть он и давно пропавший брат Фионы.

– Я очень рад, – проговорил крюкастый, одарив Бодлеров улыбкой, которая показалась им непроницаемой, иначе говоря, трудно было понять, приятная она или гадкая. – У ме-

ня масса идей насчет того, куда мы направимся, после того как покинем «Кармелиту».

– Что ж, я не прочь их услышать, – отозвалась Фиона. – Так точно.

– Лучше бы обсудить их позже, – запротестовала Вайолет. – Не думаю, что сейчас подходящее время колебаться.

– Так точно! – спохватилась Фиона. – Та, кто колеблется, – пропала!

– Или тот, – напомнил Клаус. – Нам нужно немедленно попасть на «Квиквег».

Крюкастый открыл дверь и выглянул в коридор, кинув взгляд направо и налево.

– Не так это будет просто. – Он поманил к себе детей крюком. – Единственный путь на «Квиквег» проходит через гребной зал, но там полно похищенных нами детей. Эсме забрала у меня тальятеллу гранде и хлещет их, чтобы гребли быстрее.

Старшие Бодлеры не стали напоминать крюкастому, что он угрожал им той же лапшой, когда они работали на Карнавале Калигари вместе с несколькими другими работниками, которые потом присоединились к труппе Олафа.

– А нельзя как-нибудь проскользнуть мимо них? – задала вопрос Вайолет.

– Поглядим, – ответил крюкастый. – Идите за мной.

Он быстро зашагал по пустому коридору, за ним Фиона, а за ней Бодлеры, неся водолазный шлем с кашляющей Сол-

нышком.

Вайолет и Клаус нарочно отстали, чтобы перекинуться словом с микологом.

– Фиона, ты уверена, что хочешь взять его с собой? – пробормотал ей прямо в ухо Клаус. – Он очень опасный и ненадежный.

– Он мой брат, – яростно прошептала в ответ Фиона, – а я ваш капитан. Так точно! Я отвечаю за «Квиквег», значит мне и подбирать команду.

– Мы знаем, знаем, – успокоила Вайолет, – но мы подумали, а вдруг ты передумаешь.

– Ни за что, – твердо ответила Фиона. – Отчим исчез, и теперь Фернальд – мой единственный близкий родственник. Вы что же, хотите, чтобы я отвергла родного брата?

И словно в ответ Солнышко отчаянно закашлялась у себя в шлеме, и старшие Бодлеры поняли, что Фиона права.

– Конечно не хотим, – ответил Клаус.

– Вы, там, прекратите шептаться, – приказал крюкастый, огибая еще один угол. – Мы подходим к гребному залу, нас не должны слышать.

Дети умолкли, но в ту минуту, как сообщник Олафа остановился у дверей гребного зала и приложил крюк к глазу на стене, который открывал дверь, Вайолет и Клаус услышали кое-что и поняли, что причин соблюдать тишину нет. Даже через толстую металлическую дверь проникал громкий пронзительный голос Кармелиты Спатс:

– Во время третьего танца я буду кружиться и кружиться, а вы хлопайте как можно громче. Это будет прославляющий танец в честь балерины-чечеточницы-сказочной принцессы-ветеринара, самой очаровательной в мире!

– Пожалуйста, Кармелита, – раздался детский голос. – Мы гребем уже несколько часов, у нас болят ладони, мы не можем громко хлопать.

Послышался какой-то слабый шлепающий звук, как будто на пол уронили мокрое белье, и старшие Бодлеры поняли, что Эсме ударила детей громадной лапшой.

– Вы *будете* участвовать в выступлении Кармелиты, – провозгласила злодейская подруга Олафа, – а то испытаете ожог тальятеллой гранде! Ха-ха хойти- тойти!

– Это не похоже на ожог, – осмелился сказать кто-то из детей-гребцов. – Больше похоже на мягкий мокрый шлепок.

– Заткнись, кексолиз! – приказала Кармелита. Бодлеры услышали шорох ее розовой пачки и поняли, что она начала кружиться. – Хлопайте! – пронзительно крикнула она, и вслед за этим Бодлеры услышали звуки, каких им никогда еще не приходилось слышать.

Нет ничего преступного, если у вас ужасный голос и петь вы не умеете. Равно как нет ничего плохого, если у вас ужасная осанка, ужасные племянники или ужасные брюки. Многие благородные и приятные люди обладают тем или иным в избытке, а несколько вполне милых людей обладают и тем, и другим, и третьим. Но если, обладая чем-то ужасным, вы на-

вязываете это окружающим, вот тогда вы поступаете в высшей степени дурно. Если, например, вы навязываете кому-то вашу ужасную осанку, и отклоняетесь вбок, наваливаясь на соседа, и вынуждаете его буквально нести вас по улице, вы самым безобразным образом портите ему прогулку. А если вы подкидываете в дом каким-то знакомым ваших ужасных племянников, чтобы они там поиграли, а вы сами отдохнули от их общества и побыли в тишине, значит вы испортили знакомым весь день. Ну и только очень дурной человек способен навязать кому-то свои ужасные брюки, заставив того натянуть их на ноги и нижнюю часть тела. Но навязывать кому бы то ни было свое ужасное пение есть одно из худших преступлений в мире, и именно в эту минуту Кармелита Спатс раскрыла рот и нанесла преступный удар команде «Кармелиты». Голос поющей Кармелиты был громким, как сирена, пронзительным, как скрип двери, он забирался то слишком высоко, то опускался слишком низко, и казалось, все ноты музыкального ряда толкали друг дружку, стараясь звучать одновременно. У нее, можно сказать, была каша во рту, как будто ей напихали в рот картофельного пюре перед началом концерта, а кроме того, он изобиловал многочисленными вибрато – итальянский термин, передающий колебание голоса, а у Кармелиты он качался, как будто ее очень сильно трясли. Даже самый отвратный голос можно перенести, если песня хорошая, но с огорчением должен сказать, что Кармелита сочинила песню сама – такую же безобраз-

ную, как ее пение. Вайолет и Клаусу вспомнилась Пруфрокская подготовительная школа, где они впервые встретились с Кармелитой. Завуч школы, занудный человек по имени Ниро, заставлял учеников часами слушать его игру на скрипке, и Бодлеры решили, что заведующий, очевидно, оказал сильнейшее влияние на творческую манеру Кармелиты.

– **К** – значит красивая!

А – значит активная!

Р – значит разумная!

М – значит великолепная!

Е – единственная!

Л – значит любимая!

И – значит изумительная!

Т – значит талантливая!

А – артистичная балерина-чечеточница-
сказочная принцесса-ветеринар!

А теперь споем мою чудесную песню сначала!

Песня была такая раздражающая и так скверно спета, что Вайолет и Клаус испытали настоящие мучения, словно их на самом деле пытали. Тем более что Кармелита продолжала петь снова и снова без остановки.

– Я не могу выносить ее голос, – не выдержала Вайолет. – Он напоминает мне карканье ворон в городе Г. П. В.

– А я не могу выносить ее стихи, – добавил Клаус. – И кто-то должен ей сказать, что слово «великолепная» не начинается с буквы «М».

– Не выношу эту дрянь, – со злобой проговорил крюка-

стый. – Она – одна из причин, почему мне хотелось бы бежать отсюда. Но сейчас, по-моему, как раз подходящий момент, чтобы пробраться через зал. Там полно колонн, за ними можно прятаться, и, если пройти как можно ближе к стенке, где весла проходят в дыры и попадают в щупальца, мы доберемся до следующей двери. Конечно, это при условии, если все наблюдают танец балерины-чечеточницы-сказочной принцессы-ветеринара.

– Мне кажется, довольно рискованный план, – заметила Вайолет.

– Сейчас не время трусить, – проворчал крюкастый.

– Сестра не трусит, – вступился за сестру Клаус. – Она просто проявляет осторожность.

– И проявлять осторожность некогда! – вскричала Фиона. – Так точно! Та, кто колеблется, – пропала! Так точно! Или тот! Идем!

Не сказав больше ни слова, крюкастый ткнул в кнопку на стене, и дверь в громадный зал отворилась. Как и предсказывал олафовский помощник, глаза всех детей, сидевших на веслах, были устремлены на Кармелиту, которая скакала и пела на одной половине комнаты. Эсме, держащая в одном из щупальцев громадную лапшу, следила за ней со счастливой улыбкой на лице. Крюкастый и Фиона впереди, трое Бодлеров (Солнышко по-прежнему, разумеется, внутри шлема) позади начали осторожно красться по другой половине зала, пользуясь тем, что Кармелита в это время кружится и

поет свою нелепую песню. Когда она пропела первую букву «К», дети юркнули за колонну. Когда она сообщила слушателям, какие эпитеты начинаются с «А» и «Р», дети проскользнули мимодвигающихся весел, стараясь при этом не споткнуться. Когда она заявила, что слово «великолепная» начинается с «М», олафовский пособник указал крюком на дальнюю дверь, а когда Кармелита достигла «Е» и «Л», дети нырнули еще за одну колонну, надеясь, что слабый свет фонарей их не выдаст. Когда Кармелита похвасталась, что она «любимая» и «талантливая», Эсме вдруг нахмурилась и, обернувшись, прищурилась под своими фальшивыми осьминожьими глазами. Бодлерам пришлось распластаться на полу, чтобы злодейка их не заметила, а когда балерина-чечеточница-сказочная принцесса-ветеринар сочла нужным напомнить аудитории, что она балерина-чечеточница-сказочная принцесса-ветеринар, двое старших Бодлеров очутились впереди Фионы и крюкастого, так как спрятались за колонной, ближней к их цели. И только они собрались тихонько шагнуть к двери, как Кармелита завела последнюю строчку своей песни, то есть начала петь особенно громким и особенно противным голосом, а потом, не успев начать свою чудесную песню сначала, вдруг остановилась.

– «К» – от слова «кексолизы»! – выкрикнула она. – Вы что тут делаете?!

Вайолет с Клаусом замерли, но тут же с облегчением увидели, что отвратительная девчонка с презрением показывает

пальцем на Фиону и крюкастого, которые неловко топчутся между двумя веслами.

– Как ты смеешь, крюкастый? – Эсме потрогала большую лапшу, как будто хотела его ударить. – Ты прерываешь моднейшее выступление моей невыразимо драгоценной любимицы!

– Прошу прощения, ваше Эсмечество. – Крюкастый вышел вперед и изысканно поклонился злодейке. – Лучше я лишусь еще раз обеих рук, чем прерву танец Кармелиты.

– Но ты уже меня прервал, инвалидный кексолиз! – Кармелита надула губы. – Теперь мне придется начинать все выступление сначала!

– Нет! – закричал кто-то из юных гребцов. – Что угодно, только не это! Это настоящая пытка!

– Кстати, о пытке, – быстро вставил крюкастый. – Я заглянул, чтобы спросить, не одолжите ли мне тальятеллу гранде. Мне это поможет выпытать у Бодлеров, где сахарница.

Эсме нахмурилась и потрогала щупальцем лапшу.

– Вообще-то, я не люблю давать займы свои вещи, – отозвалась она. – Люди обычно все портят.

– Прошу вас, мэм, – присоединилась Фиона. – Мы вот-вот узнаем, где сахарница! Так точно! Мы возьмем хлыст ненадолго в камеру.

– А почему ты помогаешь крюкастому? Я думала, ты тоже благонаправная сиротка.

– Ничего подобного, – вмешался крюкастый. – Фиона –

моя сестра, она присоединяется к команде «Кармелиты».

– Фиона немодное имя, – заметила Эсме. – Пожалуй, я буду звать ее Треугольные Гляделки. Ты действительно хочешь быть с нами, Треугольные Гляделки?

– Так точно! – ответила Фиона. – От этих Бодлеров одни неприятности. – Почему вы столько разговариваете? – возмутилась Кармелита. – Сейчас идет выступление балерины-чечеточницы-сказочной принцессы-ветеринара!

– Прости, сокровище мое, – спохватилась Эсме. – крюкастый, Треугольные Гляделки, берите лапшу и убирайтесь!

Крюкастый с сестрой вышли на середину зала и встали прямо перед Эсме и Кармелитой, предоставив старшим Бодлерам отличную возможность убраться – грубое слово, в данном случае означающее «выскользнуть из зала незамеченными и пройти по сумрачному коридору, по которому вел их недавно Олаф».

– Как ты думаешь, Фиона нас догонит? – произнесла Вайолет.

– Вряд ли, – ответил Клаус. – Они же сказали Эсме, что вернутся в камеру, значит, они должны вернуться.

– А ты не думаешь, что она действительно присоединится к олафовской команде?

– Конечно нет, – ответил Клаус. – Она просто хотела дать нам уйти из гребного зала. Может, Фиона и переменчива, но не настолько.

– Да, конечно, – согласилась Вайолет, но голос ее прозвучал

чал не очень убежденно.

– Конечно нет, – повторил Клаус. И в этот момент из шлема опять раздался хриплый кашель. – Держись, Солнышко! – крикнул брат. – Мы тебя мигом вылечим!

Хотя он и говорил нарочито уверенным тоном, он не мог знать, сбудется ли его обещание (к счастью, оно сбылось).

– Как ты собираешься вылечить Солнышко без Фионы? – осведомилась Вайолет.

– Придется нам самим провести исследование, – решительно сказал Клаус.

– Нам не прочесть всю микологическую библиотеку, чтобы успеть сделать противоядие, – запротестовала Вайолет.

– А нам и не нужно читать всю, – возразил Клаус. Они уже достигли двери, ведущей в «Квиквег». – Я знаю, где надо смотреть.

Солнышко снова закашлялась, а потом начала сипеть, иначе говоря, издавать свистящие сиплые звуки, свидетельствовавшие о том, что связки в горле у нее почти сомкнулись. Старшие Бодлеры еле удержались от того, чтобы не открыть шлем и успокоить младшую сестру, но все-таки не захотели рисковать заразиться.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – отозвалась Вайолет и нажала металлический глаз на стене. Дверь отъехала, и дети кинулись к разбитому иллюминатору их субмарины. – Солнышкин час уже почти закончился.

Клаус мрачно кивнул и прыгнул через иллюминатор

внутри «Квиквега», попав прямо на большой деревянный стол. Вайолет внесла Солнышко. Хотя отсутствовали дети совсем недолго, кают-компания производила впечатление, будто «Квиквег» покинут давным-давно: три шарика, привязанные к ножкам стола, начали уже съеживаться, карты приливов, которые изучал Клаус, свалились на пол, а стеклянный круг, вырезанный Графом Олафом из иллюминатора, лежал на полу. Однако средний Бодлер, не обращая внимания на валявшиеся предметы, подобрал с пола только «Микологические миниатюры».

– Эта книга наверняка содержит сведения о противоядии, – сказал он и открыл ее прямо на оглавлении. – Глава тридцать шесть «Дрожжевой гриб». Глава тридцать семь «Поведение сморчков в свободном обществе». Глава тридцать девять «Посещаемые канавы с грибами». Глава сорок «Грот Горгоны».

– Вот! – крикнула Вайолет. – Сороковая глава!

Солнышко опять издала свистящий звук, и Клаус перелистнул несколько страниц кряду, хотя мне бы хотелось, чтобы он успел вернуться назад, к пропущенным страницам.

– «Грот Горгоны, – прочел он вслух, – находится в водах, пограничных с „Ануистл Акватикс“, наименование фантастическое...»

– Мы все это знаем, – прервала его Вайолет. – Переходи прямо к тому месту, где про мицелий.

Клаус быстро пробежал страницу глазами. У него был

большой опыт по части пропускания неинтересных, с его точки зрения, мест в книгах.

– «Медузообразный мицелий обладает уникальной и эффективной стратегией прибывания...»

– И убывания, – перебила Вайолет, между тем как Солнышкин хрип все продолжал прибывать. – Переходи к яду.

– «Как сказал поэт, – прочел Клаус, – „В их спорах яд ужасной силы. / Вдохнешь – и через час в могилу! / Рецепт спасения, бесспорно, / Лишь капля выжимки из корня!“».

– Какого корня? – с недоумением спросила Вайолет.

– Не знаю, – ответил Клаус. – Противоядия чаще всего делаются из какой-нибудь части растения. Берется обычно цветочная пыльца, стебель, корень...

– А «выжимка» – то же самое, что «противоядие»? – спросила Вайолет, но не успел брат ответить, как Солнышко снова захрипела и водолазный шлем закачался – девочка боролась с грибом.

Клаус взглянул на книгу у себя в руке, затем на старшую сестру, а потом полез в водонепроницаемый карман комбинезона.

– Что ты делаешь? – спросила Вайолет.

– Достая записную книжку. Я записал всю информацию по истории «Ануистл Акватикс», которую мы нашли в гроте.

– Нам некогда перечитывать твои записи! Мы должны сию же минуту найти противоядие! Фиона права: тот или та, кто колеблется, – пропали.

Клаус покачал головой.

— Не обязательно, — сказал он и перевернул страницу темно-синей книжки. — Стоит подумать минуту — и мы, возможно, спасем нашу сестру. Что там написано в письме у Кит Сникет? Вот! «Разведение, как ты настаиваешь, ядовитых грибов в гроте всем нам грозит большими неприятностями. Наша фабрика на Паршивой тропе может обеспечить некоторое ослабление губительного воздействия мицелия на дыхательную систему...» Вот оно! Г. П. В. производили на фабрике что-то такое, что ослабляло действие мицелия.

— Паршивая тропа, — повторила Вайолет. — Это была дорога к дому Дяди Монти. Там еще стоял отвратительный запах, помнишь? Пахло черным перцем. Нет, не черным перцем...

Клаус заглянул в записную книжку, а потом в «Микологические миниатюры».

— Хрен, — тихо сказал он. — Там пахло хреном. Корень хрена! Вот какое противоядие!

Вайолет уже направлялась в камбуз.

— Будем надеяться, что Фил любит добавлять хрен в пищу. — Она толкнула дверь.

Клаус подхватил хрипящий шлем и последовал за старшей сестрой в тесный камбуз. Там еле хватало места на двоих между плитой, холодильником и двумя деревянными кухонными шкафами.

— Шкафы, должно быть, заменяют кладовку. — Клаус имел в виду место, где, как он надеялся, держат противоядия. —

Хрен – если он тут вообще есть – может храниться в них.

Старшие Бодлеры вздрогнули. Они и думать не хотели, что будет с Солнышком, если хрена там не окажется. Однако уже через несколько мгновений им пришлось об этом задуматься. Вайолет открыла дверцы одного шкафа, а Клаус – другого, и дети сразу же увидели, что хрена там нет.

– Жвачка, – еле слышно сказала Вайолет. – Сплошные коробки со жвачкой, Фил унес их с собой, когда покидал лесопилку. Но больше ничего нет. А ты что-нибудь нашел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.